

РОВЕСНИК

2
1979

© «Ровесник», 1979 г.

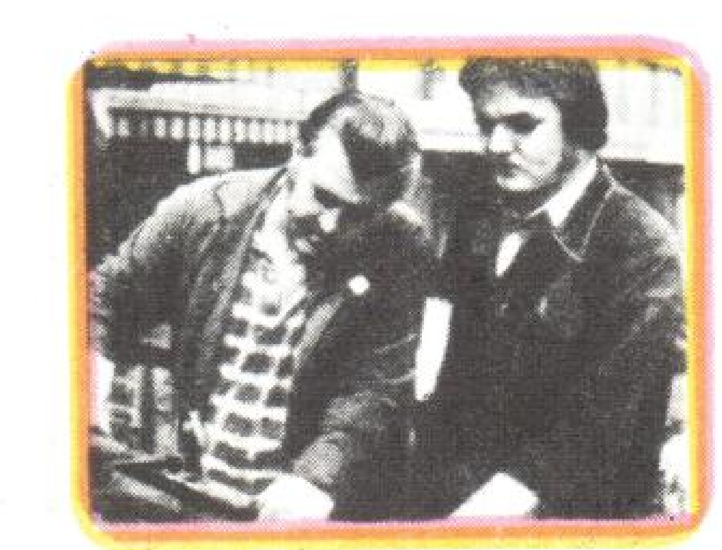
РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Февраль, 1979 год, № 2

А ЧТО ПОТОМ?

и другие материалы, рассказывающие о том, как общество обеспечивает будущее молодого поколения

На первой странице обложки: завтра на этой пока еще не достроенной сцене состоится открытие праздника газеты португальских коммунистов «Аванте!», а сейчас встретились друзья — комсомольцы Португалии и нашей страны.

Фото А. МОЛОСТОВА

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 04.01.79. Подп. к печ. 26.01.79. А 03517. Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1 180 000 экз.
Цена 25 коп.

Диапозитивы иллюстраций изготовлены в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Набор и печать — Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Заказ 83. Адрес полиграфического комбината: г. Чехов Московской области.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВАРШАВА. Здесь вышел статистический сборник, свидетельствующий о достижениях в организации высшего образования народной Польши. Сейчас в республике действует свыше 90 высших учебных заведений и 17 филиалов этих вузов. За годы народной власти в них подготовлено в девять раз больше специалистов, чем за двадцать предвоенных лет. Число студентов также возросло более чем в 10 раз. Ныне на 10 тысяч человек в Польше 169 студентов. Это значительно больше, чем, например, в ФРГ, Франции или Италии.

КАБУЛ. После апрельской революции в Афганистане не прошло и года, но в области народного образования сделано уже немало. Построено 110 школ, издано и распространено около 1 миллиона учебников на языках народов, населяющих республику: пушту, дари и других. Открыто 3 новых колледжа, на 850 мест каждый. На нужды просвещения ассигновано 3 миллиона афгани.

ПАНАМА. В столице этой центральноамериканской республики впервые прошла выставка, рассказывающая о жизни советской молодежи. Каждый день выставку посещало несколько тысяч человек: учащиеся, учителя, рабочие, служащие. Приезжали даже экскурсии из провинции. Общественность Панамы оценивает выставку «Советская молодежь: вчера и сегодня» как важный вклад в дело дружбы народов и молодежи двух стран.

СОФИЯ. Завод электронных преобразовательных элементов (ЗЭПЭ) называют молодежным: это предприятие самой молодой отрасли болгарской промышленности, и работает здесь молодежь. Средний возраст рабочих ЗЭПЭ — 25 лет. Высокое качество продукции предприятия, известной во многих странах мира, обеспечивается не в последнюю очередь высокой квалификацией всех занятых в производстве. Через производственный учебный центр ЗЭПЭ прошли почти все рабочие завода, каждый четвертый из них имеет высшее или среднее специальное образование. ЗЭПЭ поддерживает деловые творческие связи с подобными предприятиями в других странах СЭВ, где болгарские специалисты проходят стажировку.

МОСКВА. В Московском химико-технологическом институте состоялся митинг солидарности с борьбой народа Ирландии за справедливое разрешение североирландской проблемы. На митинге присутствовали секретарь Международного союза студентов Джон Карэн, вице-президент Союза студентов Ирландии (ЮСИ) Мартин Спенс и представитель студенческих организаций Северной Ирландии Джил Тревор. Гости из Ирландии с интересом знакомились с жизнью и учебой советских студентов.

На снимке: ирландские студенты знакомятся с макетом будущего институтского комплекса.

ЦИНЦИННАТИ. В университете Цинциннати состоялась конференция преподавателей-марксистов, на которой были обсуждены проблемы расизма и антикоммунизма в образовании, преследования преподавателей по идеологическим мотивам. Особое внимание было обращено на десегрегацию в высшем образовании. Среди выступивших известный негритянский поэт Антар Мбери (его стихи «Ровесник» печатал в № 10 за 1977 год), профессор Пол Найден, подвергавшийся гонениям за прогрессивные убеждения, один из лидеров движения за гражданские права Энн Брейден.

НЬЮ-ЙОРК. В США прошел первый Международный день солидарности с коренным населением Америки. Он был организован Движением американских индейцев, Международным советом индейцев по договорам и Комитетом солидарности с индейцами США. В нем приняли участие представители прогрессивных организаций страны и зарубежные гости. На митинге в Нью-Йорке собравшиеся потребовали, чтобы правительство США поддержало резолюцию женевской конференции неправительственных организаций ООН о праве индейцев на самоопределение; освободило индейских лидеров Рассела Минса и Леонарда Пельтера, несправедливо осужденных к пожизненному заключению по сфабрикованным ФБР обвинениям; предоставило индейцам право самим распоряжаться своими землями и природными ресурсами.

БРЮССЕЛЬ. Во многих студенческих центрах Бельгии созданы группы действия, которые названы «Комитеты 10 000». Они выступают против антидемократической политики правительства в области высшего образования. Особенно резкое недовольство вызвало увеличение вдвое платы за учебу в вузах. «Комитеты 10 000» ставят своей задачей выработать широкие требования демократизации образования и объединить на их основе студентов, преподавателей и научно-техническую интеллигенцию, занятую в этой сфере. Первой акцией вновь созданных комитетов была массовая демонстрация протеста в Брюсселе, в которой приняли участие более 10 тысяч человек.

МАПУТУ. За три с половиной года независимости Народная Республика Мозамбик добилась серьезных успехов в различных сферах жизни, укрепляется государственный сектор, развивается кооперативное движение. Государственное предприятие «БОРОР» в провинции Замбези — один из крупнейших производителей сизаля в республике. В прошлом году здесь был получен самый высокий урожай этой культуры со времени победы мозамбикского народа над португальскими колонизаторами.

На снимке: молодой рабочий государственного предприятия «БОРОР».

ЛЕЙПЦИГ. Более 650 студентов и аспирантов из 60 стран мира изучают в Гердеровском институте немецкий язык, готовясь к поступлению в вузы и университеты ГДР. Примерно треть из них приехали из социалистических стран, главным образом из Вьетнама, Лаоса и Монголии. С 1956 года Гердеровский институт подготовил более 12 тысяч иностранных студентов для занятий в учебных заведениях республики.

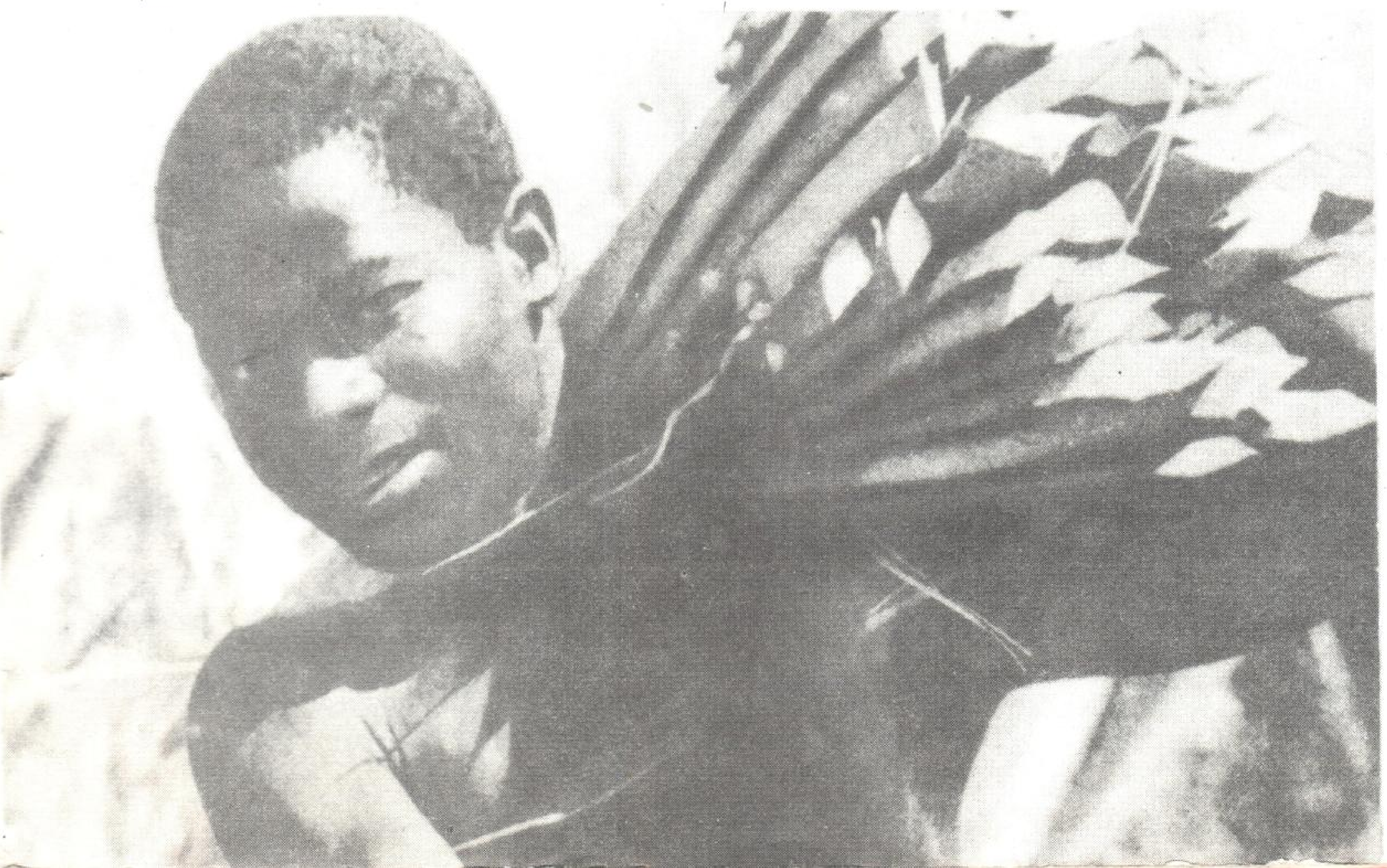
ТРИПОЛИ. В энергетическом институте в Бенгази, самом крупном из четырех высших и средних учебных заведений Ливии, в которых готовят энергетиков, состоялся первый выпуск специалистов. Около ста молодых ливийцев получили дипломы инженеров. Вскоре отряд специалистов пополнится выпускниками электротехнического техникума, который находится в городе Себхе. В этом году на подготовку кадров энергетиков выделено более 4 миллионов ливийских динаров.

АККРА. Как сообщает журнал «Вест Африка», правительство Ганы подготавливает реформу образования. С 1980 года школы республики начнут заниматься по новым программам, в которых большое место займет изучение сельскохозяйственных дисциплин. В течение шести лет учащиеся будут проходить практический курс растениеводства, животноводства и рыболовства. В ряде колледжей страны начата подготовка преподавателей для работы по новым программам.

ПРАГА. Здесь состоялась Вторая встреча студентов стран социалистического содружества, которая проходила под лозунгом «Студенты — активные строители социалистического и коммунистического общества». Первая такая встреча (в апреле 1975 года в Москве) внесла большой вклад в укрепление связей студенчества стран социализма, в развитие сотрудничества братских союзов молодежи. Представители учащихся трех континентов также познакомились с жизнью чехословацких студентов, побывали в институтах и университетах республики.

ДОРТМУНД. 40 тысяч рабочих, служащих, студентов по инициативе профсоюзов собрались в этом главном городе западногерманской земли Северный Рейн — Вестфалия на манифестацию. В колонне, протянувшейся на пять километров, рядом с ветеранами шла молодежь. На транспарантах, которые они пронесли по улицам города, требования: «Прекратить увольнения!», «Мы имеем право на труд и образование!», «Вместе мы сильнее!» В этой массовой акции трудящихся активное участие принимали коммунисты, члены прогрессивных молодежных и студенческих организаций ФРГ.

На снимке: группа демонстрантов на улицах Дортмунда.

FESTA DO «AVANTE!»

Это еще не праздник. Праздник газеты португальских коммунистов «Аванте!» — впереди. А пока в предместье Лиссабона — окруженном эвкалиптовыми рощами местечке Вале ду Жамор — полным ходом идут приготовления: оформляются павильоны и стенды, забиваются последние доски в огромную сцену, оборудуются игровые площадки в детском городке.

И это уже праздник, с таким неподдельным удовольствием, с таким праздничным настроением пилят, строгают, забивают гвозди, развешивают алые флаги и плакаты тысячи загорелых, улыбающихся, энергичных молодых людей от пяти до шестидесяти пяти и старше лет.

На снимках, которые помещены здесь и на обложке журнала, фотографы-непрофессионалы — ребята из делегации ВЛКСМ, участвовавшие в празднике «Аванте!», запечатлели сценки предпраздничной суеты. На самом празднике было не до фотокамер — хотелось побольше увидеть, услышать, узнать, познакомиться буквально с каждым в полумиллионной толпе португальцев, собравшихся со всей страны в Вале ду Жамор, чтобы выразить поддержку самоотверженной борьбе португальских коммунистов за интересы трудящихся, за сохранение и развитие завоеваний народа, сбросившего полувековое ярмо фашистской диктатуры.

Фото Е. ХРИСТОРАДНОВА, А. МОЛОСТОВА, А. ЖИВЛЮКА

А ЧТО ПОТОМ?

Вопрос этот, обращенный в будущее, обычно диктуется прошлым. И именно прошлое окрашивает его уверенностью, надеждой или отчаянием. Никто, наверное, не станет утверждать, что он возникает исключительно у молодежи. Будущее волнует всех. Однако трудно представить молодого человека на пороге самостоятельной жизни, равнодушного к тому, как сложится его судьба.

Привыкнув к тысячекратно подтвержденной реальным социализмом истине, что человек сам является хозяином своей судьбы, нельзя забывать, что эта истина имеет право на существование далеко не везде.

В мире иной социальной системы молодежь сплошь и рядом сталкивается с обстоятельствами, когда она не может изменить уготованное ей будущее, когда ее вера в свое предназначение рассыпается в прах под действием сил, которые она не в состоянии одолеть. Характерно, что в подобном же положении оказалось и молодое поколение Китая, что лишний раз свидетельствует об откровенном предательстве пекинским руководством принципов и идеалов социализма.

Неизменным элементом этой драматической ситуации является обыкновенный обман, преступное пренебрежение интересами молодежи во имя...

Во имя чего? Публикуемые в этом номере «Ровесника» очерки дают возможность на основе конкретных судеб конкретных молодых людей прийти к определенным выводам на этот счет.

Показательно, что западная печать, вынужденная уделять проблемам молодежи место, соответствующее серьезности этих проблем, нет-нет и приподнимает завесу, скрывающую подлинные масштабы бед, обрушившихся на нынешнее поколение молодых. Судите сами.

«Молодежь,— ссылаясь на Аристотеля, писал недавно американский журнал «Тайм»,— легко обмануть, потому что она быстро обретает надежду». И продолжает: «Немногие поколения в истории Европы надеялись — и ожидали — столь многого, как те молодые люди, которым сейчас около 20... Сегодня они должны чувствовать себя обманутыми».

«Дети, родители, учителя,— утверждает западногерманский журнал «Штерн»,— как никогда прежде страдают от школы. Но вместе с тем они слепо надеются, что школа обеспечит им благополучие. Это дало школе беспримерное влияние, сравнимое разве с влиянием церкви в период средневековья». Картину дополняет другой западногерманский журнал — «Шпигель»: «Именно школа, которая призвана, как говорили в старину, «научить жизни», толкает молодых людей на самоубийство — страшный феномен, одна из причин которого заключается в следующем: аттестат играет теперь большую роль, чем когда бы то ни было прежде». И еще «Шпигель»: «Сейчас ученики всю свою жизнь подчиняют будущей

карьере, и в числе книг, пользующихся наибольшим спросом, стоят такие, как «Искусство быть эгоистом».

Достаточно сопоставить эти признания, эти оценки с рассказом западногерманских журналистов о трагедии, разыгравшейся на окраине одного из городов ФРГ, или очерком итальянского журналиста Энцо Равы, чтобы стало ясно, что истории, с которыми читатель познакомится на последующих страницах «Ровесника»,— это не просто случайные происшествия. В них отражаются социально-политические условия, в которых живет молодежь. Ее судьбы самым непосредственным образом связаны с этими условиями, с теми обстоятельствами, которые в конечном счете определяют, каким же будет, каким может быть ответ на вопрос: «А что потом?»

Из множества обстоятельств, влияющих на будущее молодежи на Западе, достаточно взять одно, но важнейшее — невозможность реализовать свои способности, энергию, знания.

Миру капитала нет дела до человека, буржуазному обществу глубоко безразлично все, что составляет круг личных жизненных интересов. Под флагом свободы личности оно попросту безразлично к поступкам, образу жизни, судьбам людей, особенно если эти люди по молодости лет не могут быть достаточно эффективным источником наживы.

Вот почему именно молодежь становится первой и самой массовой жертвой трудностей, которые периодически и со все большей силой возникают перед капиталистической экономикой. Если в годы бума буржуазия сулила молодым золотые горы и безоблачное довольство, то в условиях затяжного кризиса молодежь стала тем товаром, которым можно пренебречь, той человеческой массой, которую с легкостью лишают элементарной и единственной возможности утвердиться в жизни — работы.

По данным Международного бюро труда в Женеве, в промышленно развитых странах Запада не имеет работы семь миллионов молодых людей в возрасте до 25 лет. В Англии и Италии половина безработных — молодежь. Во Франции — 39 процентов, в Нидерландах — 41 процент, в Бельгии — 34 процента, в ФРГ — 27 процентов среди тех, кто отчаялся найти работу, молодые люди. В США уровень безработицы среди белой молодежи достигает 17,3 процента, а среди чернокожей молодежи почти 40 процентов.

Так обстоят дела сейчас. А что ждет их в будущем? Согласно прогнозам американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» к 1980 году «молодых претендентов на рабочие места ожидает еще более острая борьба в поисках работы, чем сегодня».

Что означает это на практике? Вот что говорит об этом специалист — работник западноберлинской службы консультаций по вопросам занятости молодежи, которому по роду работы приходится ежедневно сталкиваться с молодыми безработными: «Все чаще подростки, приходящие к нам, страдают от острого чувства неуверенности. Они одиноки, у них нет друзей. Иногда они не могут успокоить постоянно двигающиеся руки и не в состоянии смотреть вам в глаза...»

Как уже говорилось выше, одним из результатов предательства пекинским руководством принципов и идеалов социализма, его авантюристической политики является бедственное положение китайской молодежи. Обманутое в своих лучших чувствах, разочарованное в своих надеждах, молодое поколение Китая оказалось на грани нравственного, морального, политического краха.

«Сейчас,— цитирует слова Чжан Пинхуа, бывшего до недавнего времени руководителем отдела пропаганды ЦК КПК, гонконгский журнал «Чжань-вань»,— ...некоторые товарищи разуверились в возможности построения социализма в Китае...», среди «...некоторых товарищей царит атмосфера пессимизма и разочарования, при этом они ссылаются на негативный опыт прошлых лет — «генеральную линию», «большой скачок», «народные коммуны», «культурную революцию».

Это фактическое признание провала всех политических и экономических мероприятий маоистского руководства за последние двадцать лет и «наличия» обстановки разочарования и пессимизма дополняет ссылкой не на «некоторых товарищей», а на миллионы молодых людей итальянский журнал «Панорама»: «Большинство из тех 10 миллионов молодых китайцев, которые в период «культурной революции» были насильно отправлены из городов в деревню, там и осталось. Очень немногие, насколько известно в Пекине, получили разрешение вернуться в город и после стольких лет возобновить прерванную учебу».

Исповедь одного из миллионов китайских юношей, опубликованная в этом номере, дает наглядное представление о глубине потрясений, на которые обрекли молодое поколение пекинские руководители.

Подборку о судьбах молодежи завершает очерк о двух молодых мастерах с крупного машиностроительного завода в ЧССР. Читатели, безусловно, обратят внимание на то, что герои этого очерка вроде бы и не задаются вопросом о будущем, рассказывая о своей жизни, вернее, вроде бы и не задумываются о первопричине, определившей их рост в прошлом и гарантирующей его продолжение в будущем. «Простая история, что тут особенного,— вероятно, скажут они.— Такое происходит ежедневно на сотнях предприятий не только в Чехословакии, но и у нас». И это правда. И это прекрасно. И в этом одна из характерных черт общества, в котором мы живем.

«НУ, ВЫПАЛИВАЙТЕ, ЧТО У ВАС ТАМ НАКОПИЛОСЬ»

Ингрид КОЛЬБ, Петер Х. ШТАЙНАКЕР,
западногерманские журналисты

Там, внизу...— ворвался к хозяину дома на окраине Дисбурга перепуганный жилец и, не договорив, выбежал на улицу. Хозяин последовал за ним. У зеленого газона между мусорным контейнером и тротуаром они увидели два тела — мальчика и девочки. Мальчик лежал лицом вниз. Он вытянул руки вперед как бы в тщетной попытке ухватиться за что-то. Рядом с ним девочка. Она лежала на спине, и выражение ее лица, умиротворенное и даже немного радостное, как у спящей, казалось странной и неуместной деталью в этой мрачной картине. Телесных повреждений не было, и если не считать дырки на брюках чуть выше левого колена, то не было и никаких следов падения с шестидесятисемиметровой высоты.

Хозяин высотного жилого дома Краевски не знал ни этого парня, ни девочки. На крышах домов в жилом массиве Хоххайд есть террасы, вход на которые доступен любому. Двери пожарной лестницы, ведущей на крышу, почти никогда не запираются. Эти гигантские коробки на 360 квартир каждая были выстроены на окраине Дисбурга шесть лет назад. Здесь покончили с собой уже трое — и все молодые.

Терраса на крыше дома номер 18. Дверь пожарной лестницы широко распахнута. Уголовная полиция, которую уже успели вызвать, нашла мало интересного:

кучку сигаретных окурков и наполовину сгоревших спичек. Должно быть, они долго сидели здесь и курили, прежде чем перелезть через ограду на карниз, опоясывающий крышу, чтобы прыгнуть оттуда вниз. Вот и следы ботинок выдают то место, где именно это произошло.

«Нет ли какого-нибудь одеяла прикрыть их?» — привычно спрашивает полицейский у хозяина. Нет, у Краевски одеяла нет. «Ну ладно, неважно, пусть лежат так,— говорит полицейский равнодушно,— все равно им теперь уж ничто не поможет».

Да, теперь уже ничто и никто. А раньше? Этот вопрос неизбежно должны были задать себе родители пятнадцатилетней Аниты Бургхоф и семнадцатилетнего Мартина Мельцера[1] после того, как опознали трупы своих детей в дисбургском морге.

«Невозможно понять, почему дети сделали это» — такой ответ записан в протокол. Анита и Мартин ходили в реальное училище сестер Шолль в Дисбурге. Опрос учителей и школьных товарищей тоже не навел прокурора на разгадку мотива самоубийства. Бессилие окружающих что-либо понять замаскировано банальной формулировкой, призванной обозначить причину трагедии в протоколах по этому делу. Она звучит так: «Мировая скорбь». И все. Для прокурора полиции дело закрыто.

Понятие «мировая скорбь» было чрезвычайно популярно в литературе первой половины XIX века. В толковом словаре Гримма оно объясняется как «болезненное отвращение, пресыщенность жизнью, пассивная позиция по отношению к миру». Случайно ли то, что это понятие снова всплыло на поверхность и стало опять широко употребляться именно сейчас?

Как выяснилось, самоубийству Аниты и Мартина не предшествовала ни любовная драма, ни страх перед плохими оценками, ни конфликты с родителями. Казалось бы, этим исчерпывается арсенал трагедий, какие могут возникнуть у подростка. И все же они изо всех сил стремились вырваться из круга жизни. У друзей-сверстников их поступок вызывает сочувствие и грустное понимание, у старших столь же грустное бессилие понять.

«Если бы кто-нибудь составил мне компанию, я бы тоже прыгнул»,— сказал шестнадцатилетний Рольф, школьный товарищ Аниты и Мартина, когда узнал, что они покончили с собой. «Вся эта ложь, насилие... я бы никого не стала здесь удерживать,— выносит свой приговор лучшая подруга Аниты Марианна, ей всего четырнадцать.— Я, может, и могла бы удержать ее раз, другой, но зачем? Это доставило бы ей только лишние мучения. Нет, ни к чему. Они были так уверены в том, что найден единственно правильный выход, и удержать их не смог бы никто».

Молодые разочарованы в идеалах общества, в системе выработанных им ценностей. С этого начинается уход из родного дома, поиски собственного пути, собственной системы ценностей. Противоречие между стремлением оторваться и невозможностью это сделать неизбежно терзает и мучит, молодой человек стремится любой ценой разрешить его, он балансирует на лезвие ножа.

Подумайте вдобавок о том, насколько более трудным и изнуряющим стал в наше время процесс поисков себя и своего ориентира в жизни. Будущее представляется подросткам телефильмом ужаса. Еще никогда молодым и идеалистически настроенным людям не приходилось искать объяснения столь многим свидетельствам банкротства человеческой цивилизации. Один за другим мелькают кадры этого телефильма: рыба, отравленная вредными веществами, предназначавшимися для людей; люди со вздувшимися от голода животами; пищевые продукты, уничтожаемые тоннами; электроды для пыток, присоединенные к рукам и ногам живого человека; черные жители Соуэто; искалеченные дети Севезо[1].

На что же направить эмоции, вызываемые такими картинами, когда виновник всего, «враг номер один», не принимает никакого конкретного облика? Если он неуловим, как привидение, и вездесущ, как воздух? Если он незаметно проникает всюду и подчиняет себе «отношения», «жизнь взрослых», «систему»?

В школьном портфеле Мартина лежала тетрадка в клетку, исписанная вдоль и поперек бессвязными фразами. «Я хочу выбраться отсюда, из всего этого дерьма»,— написано зелеными чернилами, и потом последнее слово переписано множество раз разными цветами.

Ежегодно в Западной Германии приблизительно 15 тысяч молодых людей пытаются покончить жизнь самоубийством, и пятистам это удается. Тысячи достигают этого постепенно с помощью наркотиков и алкоголя. Дороги к спасению, по которым в отчаянии бросаются другие: преступность, религиозные секты, террористические группы,— тоже очень скоро заводят в тупик. Такая тенденция, специалисты единодушны в своем убеждении, будет только усиливаться.

«На молодых людей,— рассуждает над дилеммой мюнхенский психолог доктор Гизела Шмеер,— в самом начале самостоятельной жизни давит ощущение, что жизнь их заранее запрограммирована, они чувствуют себя либо жертвой насилия, либо выбывают в самом начале игры. Лазейки больше не осталось».

Анита была живая девочка, любила посмеяться, хорошо училась, особый интерес проявляла к общественным проблемам. «Ее ужасно волновала любая несправедливость в мире,— рассказывает старший брат Аниты Райнер.— Отношения с родителями у нее всегда были нормальными, с матерью даже нежными».

Райнер, который уже давно живет отдельно, утверждает, что огромная потребность Аниты в духовном общении переросла за рамки того, что могла дать семья. И сама Анита однажды рассказала своей подруге Марианне, как с родителями все труднее становится находить общий язык: «Они все время сидят дома, смотрят свой телевизор, потягивают пиво, а то, что кругом творится, их вообще не волнует».

«Молодые,— по мнению доктора Шмеер,— пугают взрослых своими вопросами, желаниями, идеями. Когда дети верили в авторитет своих родителей, которые знают и понимают все лучше, потому что прошли несравненно больший отрезок пути, это тоже было заблуждением. Большинство взрослых, попадая в плен мелких будничных забот и чисто материальных проблем, постепенно перестает интересоваться всем остальным, как бы окаменевает, и жизнь их по сравнению с полной исканий жизнью молодых представляется совершенно бездуховной.

Старшее поколение успело бюрократизировать и сферу своей духовной жизни. Только из одного страха, что новые, неперебродившие идеи ворвутся и нарушат раз и навсегда заведенный порядок, они просто-напросто предпочитают сразу отметать их, считать для себя несуществующими. Так ведь гораздо удобнее. Взрослые хотят, чтобы молодежь тоже укладывалась в

---

[1] *Все имена изменены редакцией «Штерна», откуда взят этот материал.— Примеч. ред.*

[1] *В июле 1976 года в итальянском городе Севезо произошел взрыв на химическом заводе, который вызвал утечку ядовитых веществ. Среди пострадавших было 40 детей, заболевание которых врачи признали неизлечимым. Этот случай получил широкую огласку в печати.— Примеч. пер.*

их рамки — чтобы дети скорее «взрослели»,— тогда все встанет на свои места, и с ними можно будет легко сладить».

С Мартином Анита могла говорить обо всем. Одноклассники из 9-го «Е» отзываются о нем как о человеке очень прямом и открытом, учителя называют юношу интеллигентным и наделенным способностью размышлять. Он интересовался и социальными теориями, и буддизмом, и философскими трактатами Жан-Жака Руссо... Теперь понимаем: не просто интересовался, все время искал. «Он всегда был за мирное решение всех споров и взаимопонимание,— рассказывают его друзья,— ненавидел любое проявление насилия».

В классе есть группка ребят, которые мечтают открыть необитаемый остров, где смогут все вместе, коммуной жить по-своему: «Лучше, свободнее, честнее, человечнее». Анита и Мартин тоже принадлежали к этому кружку, но со временем все сильнее отдалялись, предпочитая лишь общество друг друга.

Ситуация в семье Мартина была куда сложнее, чем у Аниты. Когда родители разошлись, он остался с матерью. В это время его успехи в школе стали значительно хуже. Пришлось перейти из гимназии в реальное училище. Мать часто придиралась и провоцировала мальчика на скандалы — она всегда была против развода, вот и вымещала на нем все свое недовольство. Однажды она разрезала его джинсы и надавала затрещин, чтобы приучить никогда больше не ходить в школу в этих мерзких штанах. Вскоре после этого он сбежал к отцу.

У отца, 47-летнего торгового агента Германа Мельцера, он и прожил последние полгода. Жить с отцом было легче. Он предоставил Мартину полную свободу, давал больше денег на карманные расходы, обсуждал школьные проблемы и одобрял дружбу с Анитой. Квартира, в которой Мельцер жил со своей новой женой, была тесновата для троих, и они вместе строили планы переезда на новую квартиру, где у Мартина была бы своя отдельная комната.

Несмотря на внешнее благополучие, и отец, и его жена жаловались, что к мальчику очень трудно найти подход. Они объясняли отсутствие контакта тем, что у него было «трудное детство», дурные отношения между родителями очень сильно сказались на его характере.

Быть может, уже тогда воображаемая стрелка была переведена на тот путь, по которому Мартин вскоре пустит стремительный поезд своей жизни. Анита вскочила на подножку по дороге. Друзья немыми свидетелями стояли на платформе кто подальше, а кто совсем близко от уносящегося поезда. Взрослые оказались совершенно глухи к сигналам тревоги, настойчиво взывавшим к их вниманию: последние 24 часа жизни Аниты и Мартина полны свидетельств того, как упорно они стремились исполнить свое решение, неумолимо приближаясь к развязке.

Предыдущий день — среда, 22 часа. Аниты дома не было, хотя обычно она возвращалась гораздо раньше. Родители забеспокоились. Хорст-Дитер Эбель, муж Анитиной сестры Труде, отправился на поиски. Он нашел детей в городском парке. Завязалась ссора. «Оставьте нас наконец в покое,— кричала Анита,— все равно мы покончим со всем этим!» Обратившись к Мартину, он сказал: «Приходи завтра ко мне в 5 часов вечера, обсудим все спокойно». Потом отвез мальчика к отцу, коротко рассказал тому о происшествии. Герман Мельцер не придал всему этому никакого значения и на следующее утро, как и обычно, отправил сына на занятия.

От Мельцера Эбель доставил Аниту к себе домой, куда приехали родители, чтобы забрать девочку. Сначала она заупрямилась, но потом согласилась поехать с ними. На следующий день вместо школы ее собирались посадить под домашний арест. Следующий день, четверг: Анита не приняла всерьез наказание родителей и после обеда встретилась с Мартином. Они пошли гулять в Хоххайдский жилой массив. В пять часов оба явились домой к Эбелю, как и договаривались. Хорст-Дитер спал. Они попросили Труде передать ему, что теперь все в порядке и что свою ошибку они осознали.

Следующей станцией на пути ускоряющего свой бег поезда была Марианна. Когда нежданные гости ушли от нее, ей вдруг как будто камень на сердце навалился, она страшно испугалась, почувствовала, что эти двое задумали что-то страшное, хотя и не могла окончательно понять, что именно.

Около восьми вечера Анита и Мартин сидели в молодежном клубе Кольпига в Гомберге (район Дисбурга). Они давали «прощальный вечер» и объявили приятелям: «Если мы завтра с утра не явимся на занятия, значит, мы покончили с собой». Никто особого внимания на это не обратил. Одноклассница Ханнелоре наблюдала за ними весь вечер: «Они были очень веселыми и выглядели безоблачно счастливой парочкой. У меня тогда сложилось такое впечатление, что эти двое, должно быть, достигли полного согласия и взаимопонимания».

В 22 часа родители Аниты позвонили в полицию: дочери до сих пор нет дома. Часы Мартина показывали 22.40, когда он и Анита были найдены на газоне в Хоххайдском жилом массиве.

В реальном училище сестер Шолль это двойное самоубийство встревожило и учеников и преподавателей. Больше всего волновались искатели счастливого острова из 9-го класса «Е». В их обсуждениях вдруг явственно стали звучать мотивы отчаяния и стремления к смерти. Классный руководитель Карл-Август Донеккер вызвал родителей тех учеников, которые, по его мнению, были сильнее других подвержены тяжелым пессимистическим настроениям. Он умолял их обращать на детей больше внимания, пытаться лучше понять их, по возможности достичь более близких отношений. Это был глас вопиющего в пустыне. Реакция родителей, как правило, была одинаковой: «Мой ребенок никогда этого не сделает. Уж я-то знаю своего ребенка лучше, чем вы!»

Когда директор училища Ханс Гюнтер Рёттген, человек пытливый и энергичный узнал, что некоторые ученики вынашивают мысли о самоубийстве, он вызвал к себе в кабинет Хельгу, активистку из совета учеников, и спросил: «Я слышал, в вашем классе некоторые опять что-то замышляют». Хельга ответила: «Если вы имеете в виду самоубийство Мартина и Аниты, то некоторые из ребят в нашем классе действительно не исключают для себя такого выхода».

Хельга договорилась с директором о том, в каком тоне надо говорить с учениками. Встреча происходила в учительской. Когда ребята сняли куртки, Рёттген сказал: «А, вешайтесь, пожалуйста». Разговор он начал со слов: «Ну выпаливайте, что у вас там накопилось». И вообще он заверил учеников, что «со всем, буквально со всем» можно приходить к нему, что он готов обсуждать любые проблемы.

Безрадостно поплелись ребята после собрания в кафе. Только Герд сказал: «Ладно, не надо больше их пугать, все равно ничего не изменишь, пусть уж лучше все остается как есть».

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

ОТ РЕДАКЦИИ: **стенограмму обсуждения этого материала в 279-й московской школе имени А. Т. Твардовского, в котором приняли участие ученики 9-го «А», 9-го «Б» и 10-го «Б» классов, читайте на следующей странице.**

«ПРОСТО НАМ ЭТО ГОРЕСТНО И УДИВИТЕЛЬНО»

(Московские школьники о своих ровесниках из Дисбурга)

Андрей Педоренко: Сразу видно, что эту статью опубликовал журнал буржуазный. Была попытка анализа происшествия, но здесь оно вскрыто с точки зрения несколько странной, на мой взгляд. Конечно, здесь говорится, что все это происходит, потому что молодежь видит перед собой ужасы капиталистического мира: загрязнение окружающей среды и все такое, а молодежь оказывается в одиночестве, и их не понимают взрослые, в основном родители. То есть родители очень бедные духовно люди, которые целыми днями сидят перед теле-

визором, потягивают пиво и не понимают своих детей. И из-за этого возникают такие конфликты. По-моему, это не совсем верно. Конфликты с родителями могут быть и у нас тоже, потому что наши родители нас тоже иногда не понимают.

Владимир Мелконов: При чем тут что наши родители нас не понимают... Наверное, наши родители живут просто более богатой духовной жизнью, чем там...

Андрей: Возможно. Просто у нас не доходит до такой степени непонимание. Здесь надо брать шире. Я пытался представить себя на месте этих ребят. Нет, действительно они одного с нами возраста, уровня знаний и... понимания, скажем так. Поэтому более или менее просто это сделать, но... пытался и не мог понять их. Наверное, они просто не видят перед собой каких-то широких перспектив. То есть нет цели. Вот я, у меня есть какая-то цель в жизни. А вот у них... Представим себе: молодой человек, 16 лет. Он кончил школу. Дальше что? Ну пойдет в институт. Может быть, если у него есть деньги, он сможет продолжать учиться. Ну а дальше что? Нет работы! Что дальше-то делать?

Владимир: Цель-то у него есть...

Андрей: Какая цель?

Владимир: Работать.

Катя Соколова: Почему у них еще такая сложность? Потому что, когда ты работаешь, ты имеешь все: в среднем там получают больше, чем даже наши труженики, но люди постоянно живут под страхом потерять работу. Постоянно... Ну представь себе, что у тебя не будет денег. Ну хорошо, ты кончишь учебу, ну, скажем, пойдешь в институт. Ты не забывай, что мы бесплатно все это получаем, всю учебу. А потом, затратив такие огромные деньги на то, что ты учишься, ты выходишь, молодой человек, знающий в общем-то много, понимающий, интересуешься политикой, искусством: тебя все интересует — нравственные, общественные проблемы, а ты не можешь найти места. Можно даже привести пример, да знают все это, по телевизору видим, везде, что там очень многие молодые люди не находят работы и работают не по специальности, хотя они актуально развиты и очень много знают.

Максим Железняков: Мне кажется, у них два пути: либо стать такими же, как их родители, либо пытаться что-то изменить... но они не могут это изменить никак, и они успокоятся, успокоятся, как их родители.

Андрей: Почему это не могут?

Максим: Не могут они изменить. Ну не видят они, что нужно... А некоторые видят, но не могут ничего сделать.

Андрей: Катя, наверное, все правильно сказала, но, по-моему, они просто не понимают, зачем им потом поступать в этот институт, зачем им потом идти на работу и кем они потом станут. По-моему, это как раз вот та жизнь, которой живут родители — хорошие, благообразные люди, воспитанные, обеспеченная семья и... может быть, это их больше пугает, чем даже безработица. Их не устраивает эта жизнь, по-моему, так.

Инна Смирнова: По-моему, они не хотят быть такими, как родители, но вот условия жизни заставляют их быть такими.

Максим: Там еще большую роль играет одиночество человека в этом обществе. Вот взять несколько строчек. «Если бы кто-нибудь составил мне компанию, я бы тоже прыгнул...» Я хочу сказать, что у каждого человека свой выход из положения. Может быть, вот такой выход, но никто его не разделяет. Даже в этом одинокость проявляется.

Инна: Просто для человека это слишком мало — смотреть телевизор. Надо ему что-то еще. Я себе просто не представляю такую жизнь. Как бы без книги я могла жить? Как это ни о чем не думать?.. Не делиться. Вообще ребята обычно, даже когда смотрят какой-то фильм, делятся...

Лена Ионова: Я считаю, что, например, стихи читать вместе надо, потому что веселее. Нет, не потому, что просто веселее, а чтобы найти какую-то общность, а не просто для себя.

Андрей: Мне кажется, здесь была еще одна мысль, довольно правильная. Довольно верно здесь сказано, что они не могли точно сформулировать как раз причину всех этих неудач, всех этих расстройств. Они просто не видели конкретного врага своего. Мне кажется, это верно, потому что они не знали, с чем бороться.

Инна Иосифовна Карре, учитель литературы: Одна из причин этой трагедии в непонимании. Это, может быть, главное.

Андрей: Да, это непонимание того, что происходит вокруг. Но тут еще один вопрос возникает: почему же они кончают жизнь самоубийством, а не идут бороться?

Владимир: Весь вопрос, с чем бороться!

Таня Минажетдинова: Конечно, главной причиной самоубийства был сам строй, ведь у них капитализм. Вот у них была группа ребят, и они хотели уехать на необитаемый остров и жить там по-своему, коммуной. Они знали, что не могут этого сделать... У них не было перспективы в будущем.

Леня Спицын: Я думаю, что они не видели выхода из положения и рядом просто не было людей, которые могли бы им подсказать правильный выход. Их окружали такие люди, которые просто или не замечали всех проблем, или не хотели их замечать. Они сами не могли найти выход, и просто никто им не подсказал. Может быть, это и привело их к такой трагедии.

Инна: Да, вот лучшая подруга этой девочки говорила, что «я бы помогла им раз, два, но потом все равно исход был бы один и тот же». Они не видели выхода из положения, в котором они находятся. Да, и еще там говорится, что пытаются покончить жизнь самоубийством ежегодно 15 тысяч человек. Это значит, что не они одни, эти мальчик и девочка, так недовольны существующим строем и вообще жизнью.

Катя: Если они говорят, что другие не понимают молодых, то сами-то они друг друга понять могут!

Лена: Они понимают друг друга, и делятся друг с другом, и вместе находят этот выход из тупика. Для них в жизни отведено какое-то место, определенное, и когда они подрастают, то достигают определенного предела — этого они и боятся.

Наташа Панина: Родители сами не понимают своих детей, что их не удовлетворяет сидеть у телевизора, родители не понимают своих детей и не могут им ничем помочь. Они верят в благополучие...

И. И. Карре: Да, действительно, вы, наверное, обратили внимание, что их никто не понимает и не хочет понять.

Инна: Родители, там говорится, хотят, чтобы их дети скорее стали взрослыми. Они не понимают, что если даже они станут взрослыми и у них останутся те же самые убеждения, то они все равно с ними будут не согласны и такая борьба будет продолжаться. Дети опять же будут оставаться гостями в обществе этих родителей. Всегда останется эта проблема.

Андрей: Вопрос главный, почему же они боятся успокоиться?

Наташа: Почему ты не боишься успокоиться? Ты такой же молодой человек.

Андрей: Ну, ты понимаешь, мне даже не приходит мысль успокоиться. Сейчас идет проверка сытостью. Раньше была проверка голодом, сейчас проверка сытостью. Сейчас идет процесс такой. Сейчас у нас много... мещан. Вот я боюсь, понимаешь, стать таким человеком. Сейчас люди растут, и есть программа: если ты обеспечен, ты там где-то работаешь, женился — и все... и вот на этом все заканчивается. То есть дальше все катится по прямой линии.

Максим: Нет, вот ты говоришь, ты боишься успокоиться, да? Я согласен. Наверное, каждый из нас боится успокоиться. Но ты знаешь, ты, наверное, уверен в какой-то степени в себе, что ты не успокоишься. Может быть, их неуверенность в себе и приводит к такому?

Инна: И еще мне кажется, что, если бы вдруг случилось чудо и они бы не погибли в этот раз, они бы сделали еще попытку. Ну представьте себе на миг, что они остались бы живы. Ну не знаю, что-нибудь там сложилось удачно, они бы, испытав этот страшный момент, а момент смерти — это очень страшно...

Андрей: Странно, а почему-то у этой девочки на лице радостное выражение, я бы не сказал, что для них это было страшно. Для них это было как избавление.

Максим: Как не успокоиться? Что от тебя зависит, чтобы не успокоиться?

Андрей: Все зависит от меня! Чтоб я сам не успокоился.

Владимир: Здесь надо говорить о работе, о настоящем призвании человека. Если он приходит домой и занимается какими-то хозяйственными делами, это отнюдь не грешно. По-моему, здесь надо вести разговор о другом.

Андрей: Для меня вопрос не в работе, в другом. Часто очень люди работают очень интересно, увлеченно, а вообще успокоены в жизни. То есть они могут быть гениями в каких-то областях знаний, но духовно быть неинтересными. По-моему, может так быть. Конечно, может так сложиться, что обстоятельства меня начнут засасывать. Я не знаю, что я буду делать. Попробую что-то сделать.

И. И. Карре: Во всяком случае, ты чувствуешь, что твое будущее от тебя зависит, ты не хочешь стать обывателем и не станешь никогда.

Андрей: Если я почувствую, что я им становлюсь, я буду делать все, чтобы им не стать. Все то, что смогу сделать, буду делать.

Владимир: Все от нас зависит, все абсолютно.

Леня: Я уверен, что, если бы любой из нас здесь сидящих попал в такие обстоятельства, вряд ли кто-нибудь стал бросаться с шестидесятиметровой высоты. Можно же в таких тяжелых обстоятельствах оставаться человеком и не пытаться кончить жизнь самоубийством! Это крайний случай. Можно ведь жить и не опускаться до такой степени, чтобы кончать жизнь самоубийством.

Владимир: Нет, но вот, чтобы жить и оставаться человеком, нужно ведь... Ну, во-первых, что такое жить и оставаться человеком?

Андрей: Конечно, они-то оставались людьми. Почему они покончили жизнь самоубийством? Вот именно, чтобы оставаться людьми.

Максим: И не стать такими, как их родители.

Владимир: Я считаю, что кончать жизнь самоубийством не выход из положения. А что значит остаться настоящим человеком?

Андрей: Некоторые люди, поставив в молодости цель, идут к ней напропалую, ломая перед собой все. По головам, по трупам идут. А цель, понимаете, может быть самая благородная.

Таня: Если ты поставишь цель благородную и идешь по трупам, то это будет уже отнюдь не благородно.

Андрей: Нет, ну понимаешь, эти люди говорят, что цель оправдывает средства. И все. Вот я людям дам потом бессмертие, а пока что тысячи трупов у меня в опытах. Но через миллион моих экспериментов будет бессмертие.

Наташа: Надо же знать, для кого все это делаешь? Для людей. Для людей, которые сейчас живут и которые будут жить. Нет, цель здесь не оправдывает средства.

Леня: Нет, благородная цель всегда должна достигаться благородными путями.

Таня: Ну вот, например, такая цель: я хочу стать профессором. Я хочу стать профессором и лечить детей.

Андрей: Очень узкая цель. Очень узкая. Вот человек достиг этой цели, и все, больше цели нет, остановился.

Владимир: По-моему, это вообще не цель, стать профессором, цель скорее — это лечить людей.

Андрей: Надо подходить так, что у человека должен быть богатый духовный мир. Вот если стал профессором и больше тебя ничего не интересует... Ведь это же неверно.

Таня: Почему неверно? Может быть, он или там она хочет стать профессором, чтобы именно лечить детей.

Андрей: А дальше что?

Таня: Но она же будет лечить детей!

Андрей: Ну тогда я согласен, если так. А если вот просто «я хочу стать профессором», я буду изучать только медицину и только профессором... Ну хорошо, а если он читает там классику, отлично разбирается во всех тонкостях живописи, скажем литературы, но ему все равно безразличны смерти людей... Ведь может быть такое?

Таня: Нет, она любит детей, она хочет их лечить...

Андрей: Нет, все-таки стать профессором — это какая-то цель, понимаешь, ненастоящая. Настоящего человека надо, наверное, определять как-то по-другому.

Таня: По его отношению к себе, к друзьям.

Инна: Да вообще к людям...

Таня: Если бы те ребята увидели цель, к которой они могли бы пойти и осуществить, их можно было бы остановить.

Максим: Ну например?

Таня: Не такую цель, как у их родителей, а такую цель, чтобы они чувствовали, что нужны кому-то.

Андрей: В том-то и дело. В капиталистическом обществе они не нужны никому. Совершенно... К ним равнодушны. То есть каждый за себя, и каждый для себя. Каждый заключен в своем мирке, под колпаком каким-то. И этот колпак охраняет его, чтобы никто туда не проник. И ему совершенно нет дела до каких-то других людей.

Владимир: Но не все же, наверное, такие.

Андрей: Да, не все.

Максим: Дело просто в том, что они никому не нужны. Они сами об этом говорят. И зачем мы живем, мы никому не нужны? И если мы вырастем, что мы будем делать? Жить для себя... А зачем нам это нужно? Для себя — это очень мало. Нам нужно делать что-то для других. А другим это не нужно. Вот вы живете, и живите для себя, какое нам до этого дело.

И. И. Карре: Потом они, наверное, не умеют и не знают, что значит для других жить.

Катя: Да они просто не видят, их не научили.

Владимир: Там в конце учитель сам говорит: «Ну давайте выпаливайте, что у вас там накопилось!» Ему кажется, что если они все это выльют, то им просто станет легче от этого.

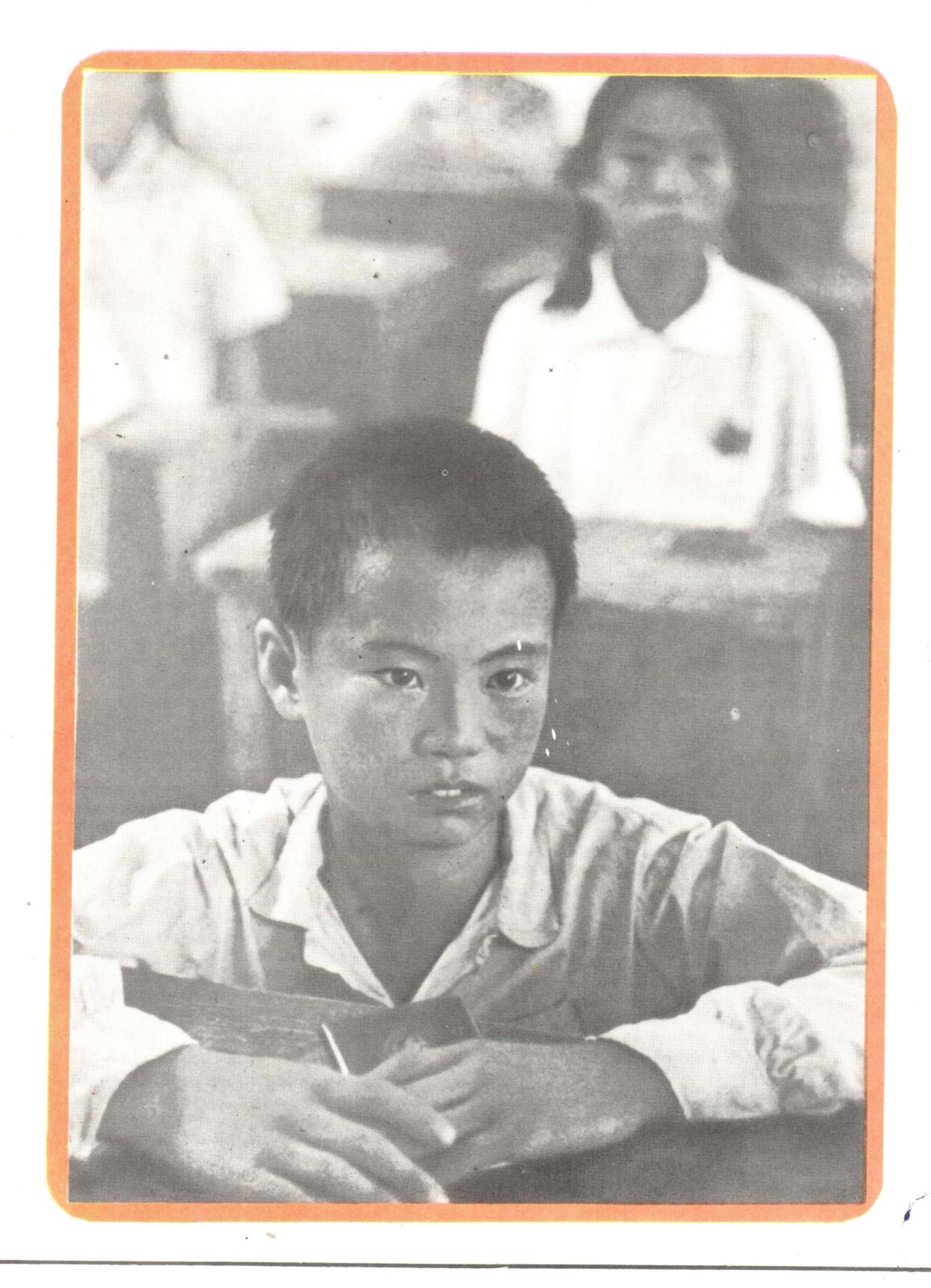
Леня: Действительно станет легче.

Катя: Ну как же легче? Вспомни, они уходят понурые оттуда такие. И им нисколько не легче. Я уверена, что ребята с таким человеком просто не будут откровенны, не будут, я знаю... Ну ребята не такой народ, чтобы откровенничать с кем попало.

Инна: Ты хочешь сказать, что у молодежи там только два выхода: или наркотик, или с шестидесятиметровой высоты?!

Владимир: А по-моему, это вообще одно и то же, что наркотик, что самоубийство. Они не видят, как им можно выразить себя по-другому. Они одиноки. Почему они принимают наркотики? Потому что они хотят уйти от этой жизни. Они просто уходят от этого. На самом деле выходов полно. Они просто не видят способов общения. Между собой они могут общаться, может быть, даже словами, но способа общения с окружающим миром они просто не видят. Они не могут найти. А этих способов полно. Ну я не знаю. Но в общем кто-то нашел этот способ и общается, и понимает других. Немецкие комсомольцы, например.

Катя: Потом еще мне кажется, нам так трудно их понять, потому что мы живем в другом обществе. И когда читаем, то и непонятно, зачем прыгать-то было? Просто нам это горестно и удивительно. Мы никогда этого не испытаем, не испытали и не поймем этого. У нас все совершенно другое.

В 1966 году по воле Мао Цзэдуна на Китайскую Народную Республику обрушилась так называемая «культурная революция». Кроме общего названия, она не имела ничего общего с тем подлинно революционным процессом, который знаменует приобщение к сокровищнице культуры широких народных масс.

«Культурная революция» в КНР сопровождалась неслыханным вандализмом, уничтожением и порчей величайших памятников многовековой китайской культуры, гонениями и уничтожением цвета китайской интеллигенции, развалом всей системы народного образования.

Но это лишь одно из последствий «культурной революции» на пекинский лад. Практически все завоевания социализма в Китае были поставлены под удар. И совершилось это преступление против китайского народа с единственной целью сохранения и упрочения господства Мао Цзэдуна.

Непоправимый удар «культурная революция» нанесла по молодому поколению Китая, которое было безжалостно и бесстыдно использовано в корыстных интересах политиканов.

В сегодняшнем Китае поднялась волна осуждения «культурной революции», появились сообщения о смертных приговорах некоторым видным главарям хунвэйбинов, будто это они, а не неизмеримо более могущественные силы во главе с «великим кормчим» были творцами политики, которая принесла неисчислимые страдания китайскому народу. Признание полного провала этой политики, которая многие годы провозглашалась основой основ, вызывает у широких народных масс неуверенность в будущем, опасения очередного непредсказуемого зигзага, за последствия которого, как это было уже не раз, придется расплачиваться миллионам и миллионам простых людей.

Публикуемое ниже повествование о судьбе китайской молодежи основано на подлинных фактах. В нем изменены только имена.

ИЗГНАННИКИ

(Исповедь хунвэйбина)

Юрий ДИМОВ,
Елена ОСТРОВА

„В воскресенье 22 августа 1966 года мне исполнилось 15 лет. Вся семья — отец, мать и трое младших братьев — собралась за праздничным столом на кухне. Со стены на нас смотрел председатель Мао, а по сторонам портрета краснели лозунги: «Во всем слушаться председателя Мао Цзэдуна! Идти за партией!» Мать приготовила свое лучшее блюдо — лапшу с курицей. Отец первым взял в руки палочки, но затем положил их на место. Он посмотрел на меня и сказал: «Фу Вэй, тебе сегодня исполнилось 15 лет. Взгляни на наш праздничный стол. Мы купили курицу, ароматные грибы дунгу, свинину, рыбу гуйю, фрукты. А знаешь ли, что было, когда мне исполнилось пятнадцать? Семья была счастлива, что на столе была соленая капуста и грубый рис. Это счастье нам дала партия». Праздничный обед продолжался несколько часов. Отец и мать вспоминали о своем детстве, о войне против японцев и Чан Кайши, мы строили планы на будущее. Поздно вечером все легли спать, еще не зная, что закончился последний счастливый день нашей семьи.

Когда я проснулся на следующее утро, отец уже уехал на работу, как обычно захватив с собой и мать, а братья ели на кухне. Я с радостью надел обнову — хлопчатобумажные брюки, подарок всей семьи. Всем им пришлось отдать часть своих талонов на ткань. Не успел я доесть свою пиалу риса, как с улицы послышался сильный шум. Постепенно мы различили удары гонгов и барабанную дробь: дун-дун-дун-дун-дун-цян! Мы высунулись из окна и увидали, что по Наньцзинлу — главной улице Шанхая — двигалась огромная толпа с красными флагами. Какие-то ребята крушили деревянные вывески над магазинами. В это время раздался звонок в дверь. На пороге стоял одноклассник младшего брата. «Всех срочно вызывают в школу! — крикнул он.— Побежали! Кажется, каникулы кончились!»

Когда мы подбежали к школе, я увидел на спортивной площадке почти всех своих друзей из 8-го «А». Они сгрудились вокруг секретаря комсомольской ячейки Сю Лянь. Такие же группы разбрелись по всему школьному двору. Подождав немного, Сю Лянь обратилась к нам:

— Тунсюэмэнь — одноклассники, в столице студенты Пекинского университета, следуя указаниям представителей Народно-освободительной армии Китая, начали великую борьбу против четырех зол — старой идеологии, старой культуры, старых нравов и старых обычаев. Созданы отряды хунвэйбинов — красных охранников, которые развернули сражение со всякой нечистью, встали горой на защиту председателя Мао Цзэдуна. Председатель Мао на площади Тяньаньмэнь встретился с хунвэйбинами, и ему на рукав надели красную повязку с надписью «хунвэйбин». Это значит, что председатель Мао утвердил создание красной охраны. «Бунт — дело правое»,— учит председатель Мао. Идемте выметать феодальный хлам! С сегодняшнего дня мы — хунвэйбины!

Несколько девчонок отправились домой шить повязки, а мы строем двинулись на Сицзанлу — Тибетский проспект. По тротуару шла девушка лет 18—19. Она была очень хорошо одета: узкие брюки, остроносые туфли, на голове модная прическа. Сю Лянь остановила ее и спросила: «К какому классу ты принадлежишь?» — «К мелкой буржуазии»,— отвечала испуганным голосом девушка. «Признаешь, что бунт — дело правое?» — наступала на нее наша предводительница. «А что это такое?» — «Не прикидывайся дурочкой, тебе это не поможет. Снимай-ка лучше свои туфли!» Окруженная кольцом кричащих хунвэйбинов, модница стала стаскивать туфли. Сю Лянь выхватила ножницы, отрезала носки у туфель и отдала изуродованную обувь плачущей девушке. Мы с радостными криками двинулись дальше. Еще через несколько минут мы задержали студентку-велосипедистку, у которой были длинные пышные косы. Парни схватили ее за руки, а Сю Лянь без лишних разговоров отрезала одну косу. Так мы прочесали несколько центральных улиц, и только поздно вечером я вернулся домой. Отец и мать уже спали.

На следующее утро я был в школе ровно в семь утра, как приказала Сю Лянь. Она раздала нам повязки и сказала, что сегодня мы будем выявлять «замаскированных контрреволюционеров». «У них обличье человека, а душа дьявола,— читала она по какой-то маленькой бумажке.— В лицо они говорят по-человечьи, а за спиной по-дьявольски. Это волки в овечьей шкуре, улыбающиеся тигры, пожирающие людей. Они часто прикрываются словами о марксизме-ленинизме, об идеях Мао Цзэдуна, чтобы сбывать буржуазные, ревизионистские черные товары».

В тот день мы выявили трех «контрреволюционеров». Больше всего мне запомнился допрос учителя истории из нашей школы. Мы ворвались в его квартиру после обеда. Учитель сидел за столом и читал газету. Еще утром в школе кто-то из старшеклассников сказал нам, что учитель Хун слишком редко говорил о заслугах председателя Мао. Мы схватили старого учителя и повели его в школу. На голову ему надели колпак, свернутый из его же газеты, вывели его прямо в домашних шлепанцах на лестницу, а в руки всунули медный таз и поварешку. Кто-то сильно толкнул учителя, и он несколько ступенек проехал на спине под улюлюканье и хохот своих недавних учеников. Весь путь до школы учитель Хун по нашему приказу колотил поварешкой в таз и выкрикивал: «Я есть нечисть, я есть нечисть».

Я шел среди одноклассников и вспоминал рассказы отца о борьбе с богатеями и чанкайшистами. «Теперь и я борюсь против врагов»,— с гордостью думал я про себя. Я пробился к Хуну и, дернув за волосы, заставил его держать прямее голову, чтобы колпак было видно издали. «Молодец, Фу Вэй»,— крикнула Сю Лянь.

Когда учителя привели в школу, там уже шел допрос нескольких «контрреволюционеров». Их поставили на колени на узенькую скамейку, били, поливали чернилами, клеем и заставляли каяться в «грехах». Допрос продолжался до позднего вечера. Потом ребята стали расходиться по домам, а «контрреволюционеров» отпустили, приказав им явиться в школу завтра к семи утра.

Следующие дни были похожи один на другой. Наш и другие отряды приводили в школу все новые и новые жертвы. Среди них оказались почти все учителя нашей школы, секретарь райкома комсомола, работники партийных органов. Я вспоминаю, как девушку — секретаря райкома привязали к дереву и несколько часов хлестали кнутом. Директора и еще семерых учителей в дождливый день поставили на колени в большую лужу на футбольном поле и заставляли бить себя по щекам, распевая при этом: «Я есть нечисть, я есть нечисть». Одна учительница слишком слабо хлестала себя, тогда две девчонки из пятого класса подбежали и с размаху ударили ее так, что она свалилась на землю. Вспоминаю я и школьную тюрьму. Она была организована в двух классных комнатах. Там круглые сутки горел сильный свет, из громкоговорителя неслись ругательства и обещания «размозжить собачьи головы». При мне несколько парней из 8-го «Б» расправились с учителем Хуном. Они раздели старика догола и стали мазать его темно-бордовой краской, какой обычно красят гробы. Эта пытка продолжалась несколько дней. Наконец задохнувшийся под несколькими слоями краски учитель перестал подавать признаки жизни, и его тело куда-то уволокли.

Каждый вечер я обсуждал свою новую деятельность

с братьями. Несколько раз пробовал поделиться и с родителями. Но они как-то странно смотрели на меня и повторяли одно и то же: «Слушайся председателя Мао». Отец и мама о чем-то говорили вполголоса и замолкали, когда кто-нибудь из нас входил в комнату. Затем у нас поселился секретарь парткома отцовского завода дядя Ло. Он и раньше часто бывал у нас, но теперь целые дни просиживал в комнате родителей и совсем не выходил на улицу. Отец сказал нам просто: «Дядя Ло пока поживет у нас».

Причину этого я узнал через несколько дней. Наш отряд, получивший по рекомендации свыше название «Красной роты избиения собак», проходил мимо завода, где отец работал директором. В то время я уже был командиром отделения. Подойдя к Сю Лянь, я доложил, что хотел бы сходить к отцу пообедать в заводской столовой. Через несколько минут я бодро шагал к заводоуправлению, где находился кабинет директора. Около здания столовой я увидел большую толпу рабочих, размахивавших руками и споривших друг с другом. Меня потянуло в толпу, и, протиснувшись в самую гущу спорщиков, я понял, что речь идет об отце и дяде Ло. На стене столовой висели дацзыбао под заголовком «Клика Фу и Ло — шпионы и предатели». Несколько рабочих старались дотянуться до настенного плаката и сорвать его, но их не пускали другие. Большие черные иероглифы поплыли перед моими глазами. «Товарищи Ло и Фу — старые революционеры, тот, кто написал это дацзыбао, сам предатель. Директор и секретарь парткома всегда заботились о нас, верно служили партии и народу! Не дадим их в обиду!» — кричали защитники отца. Несколько молодых рабочих с повязками цзаофаней (бунтовщиков) на рукавах пытались перекричать их. «Фу — черный бандит! — орали они.— Он потворствовал черным замыслам столкнуть рабочий класс на скользкий путь экономизма, выращивая ядовитые травы собственничества, поощряя премии и материальное стимулирование. Мы непременно разобьем его собачью голову!»

Спор становился все горячее. Вспыхнула драка. Сначала дрались кулаками, потом цзаофани достали обрезки труб, палки, железные прутья. Их противники отбивались кусками угля, камнями. В самый разгар драки на заводской двор въехали два грузовика с солдатами. «Приехали из общественной безопасности, прекратите драку,— закричало несколько человек.— Товарищи из органов все разъяснят!»

Солдаты с винтовками наперевес оцепили весь заводской двор, а их командир взобрался на ступени столовой и закричал: «Товарищи рабочие, революционные массы вашего завода вскрыли махинации директора завода Фу и партийного секретаря Ло. Их вина доказана вне всяких сомнений — поверьте мне. Ло уже несколько дней скрывается от правосудия — это еще одно доказательство их вины. Мы приехали, чтобы арестовать директора Фу и еще двух заговорщиков из парткома».

Тут же на ступеньки вспрыгнул командир цзаофаней — начальник заводской охраны Ван, а из заводоуправления вывели моего отца с вывернутыми назад руками. Один солдат держал его за волосы и все время тянул голову вниз. Отца подвели к ступеням, и Ван крикнул: «Признавай вину, проси снисхождения у народа!» Солдаты несколько раз ударили отца и поставили его на колени. Мне хотелось закричать: «Отец не может быть контрреволюционером, он из семьи бедняка!» Но ни слова не сорвалось с моих губ. «Помолчи, ребенок, мы не дадим обидеть твоего отца»,— сказал чей-то знакомый голос. Я оглянулся и узнал дядюшку Го, старого токаря, который иногда приходил к нам домой побеседовать с отцом.

Митинг продолжался. Несмотря на протесты большинства рабочих, солдаты пинками погнали отца к машине, затолкали его в кузов и нацепили на грудь дощечку с надписью «Предатель Фу Гуанмин». Грузовик тронулся, за ним побежали несколько десятков рабочих, кричавших: «Это незаконно. Освободите директора Фу!» Нескольких рабочих, бежавших впереди других, сбили с ног и погрузили во второй грузовик. Что было дальше — я не помню, потерял сознание.

Очнулся я дома и сначала не узнал комнату, где прожил 15 лет. Все было разворочено, перевернуто, на полу валялись книги и разные вещи. Из соседней комнаты доносились стоны. Покачиваясь от слабости, я вошел туда и увидел... То, что я увидел, не пожелаю увидеть заклятому врагу. На кровати, вся в крови, лежала, раскинув руки, моя мама. Одеяло пропиталось кровью, ручейки крови стекали из порезов на шее и руках. Я страшно закричал, и тут в квартиру вошли двое незнакомых мне хунвэйбинов. «Твоя мать пыталась покончить жизнь самоубийством. Руководствуясь революционным гуманизмом, мы разрешаем тебе отнести ее в больницу. Но мы отпускаем ее не для того, чтобы спасти ей жизнь, а для того, чтобы иметь рот, способный говорить. Ей предстоит рассказать все о преступлениях твоего отца и секретаря Ло, арестованного в вашей квартире!»

Под конвоем хунвэйбинов я понес маму в 1-ю народную больницу при 1-м мединституте. Когда мы добрались до отделения «Скорой помощи», дежурный врач спросил: «Самоубийство? Несчастный случай?» Хунвэйбины ответили за меня: «Классовый враг пытался покончить с собой, чтобы уйти от ответственности. В интересах революции ей следует сохранить жизнь». Маме тут же стали накладывать швы, сделали укол, и я понес ее обратно домой.

Не буду описывать ночь, проведенную рядом со стонущей мамой, рыдающими братьями. Утром я побежал в школу, надеясь, что наши ребята помогут мне. Когда я увидал Сю Лянь и стал быстро рассказывать ей о случившемся, она прервала меня и обратилась к хунвэйбинам отряда с короткой речью. «У хунвэйбина Фу Вэя возник серьезный вопрос. Его отец, хотя и бедняк по происхождению, переродился и стал реакционером. Товарищи из органов общественной безопасности сообщили, что Фу-старший был предателем. Он прятал у себя дома другого предателя, бывшего секретаря парткома Ло. Мать Фу Вэя пыталась уйти от ответственности и перерезала себе вены. Как мы поступим с Фу Вэем?» — «Пусть Фу отречется от родителей-контрреволюционеров! — закричало сразу несколько голосов.— Пусть признает их преступления. Иначе он сам — контрреволюционер, затесавшийся в наши ряды».

Я стоял, поникнув головой, и не мог вымолвить ни слова. Крики вокруг становились все громче, кто-то уже стаскивал с меня повязку хунвэйбина. Сю Лянь дернула меня за рукав. «Ну, так как же, Фу Вэй?» Не помню точно, но, кажется, я сказал: «Обещаю всегда слушаться председателя Мао, отрекаюсь от родителей-контрреволюционеров». Все обрадовались, стали хвалить меня. А приставленный несколько недель назад к нашей школе военный представитель назвал меня настоящим хунвэйбином и сказал, что я и Сю Лянь поедем в Пекин на встречу с председателем Мао. Весь отряд отправился по соседним домам реквизировать велосипеды, так как было решено, что хунвэйбины нашей школы будут добираться до Пекина на велосипедах, совершат «Великий поход».

Когда мы ворвались в квартиру какого-то хуацяо — заморского китайца, вернувшегося из-за границы, я производил обыск в кабинете хозяина. Открыв ящик шкафа, я увидел сложенные стопкой юани и продовольственные талоны. По правилам, я должен был немедленно доложить об этом командиру, то есть Сю Лянь. Но я вспомнил о своих братьях, оставшихся голодными дома, и, оглянувшись по сторонам, засунул стопку под рубашку. В тот день я украл еще часы и две авторучки.

Через несколько дней мы катили на реквизированных велосипедах на север, в Пекин. На руле моего велосипеда весело трепыхались написанные на красной материи цитаты «великого кормчего». В каждом селе или поселке мы устраивали митинг, сгоняли крестьян декламировать цитаты Мао Цзэ-дуна из «красной книжечки», а потом реквизировали пищу. Доехав до Нанкина, мы почувствовали, что сил на продолжение «Великого похода» у нас не хватит, и сели на поезд. Никто даже и не подумал потребовать у нас билеты. Все вагоны были до отказа забиты хунвэйбинами из Шанхая, Гуанчжоу, Наньнина.

По пути мы коротали время, играя в карты и составляя загодя дацзыбао для вывешивания в Пекине. «Нас не устраивает название столицы Китая «Пекин», что значит «Северная столица». Ей надо дать имя Дунфанхун — «Алеет восток»; «Всем фокусникам, которые живут за счет обмана государства, приказываем зарегистрироваться в полиции и прекратить свое фокусничест-

во»; «Работникам зоопарков следует немедленно прекратить расходовать пищу на прокорм таких больших паразитов, как слон». Кто-то с воодушевлением рассказывал о предложении считать красный свет семафора разрешением двигаться вперед, «к революции», а зеленый — сигналом «стоп».

Через четыре дня мы уже были в Пекине. По улицам столицы слонялись толпы хунвэйбинов, читали, вывешивали и переписывали дацзыбао. Вместе с одетыми в одинаковые зеленые ватники хунвэйбинами расхаживали солдаты и сотрудники госбезопасности. Шел оживленный обмен значками с изображением Мао Цзэдуна. Кое-где горели костры из «вредных книг». Меня захватил весь этот необычный, шумный поток, и я почти забыл обо всем, что случилось дома. Я вспоминал об этом, лишь наталкиваясь на хунвэйбинов, конвоировавших «контрреволюционеров», или присутствуя на «митингах борьбы». Наконец прошел слух, что на следующее утро состоится встреча с «самым красным солнышком». Все хунвэйбины ринулись на площадь Тяньаньмэнь, и скоро она была набита до отказа. Ночевали все прямо на асфальте, хотя февраль в Пекине очень холодный, особенно для нас, южан. Утром площадь была оцеплена солдатами из войск безопасности. Часть ребят выгнали, пообещав пустить в следующий раз. Остальных рассадили на корточки строгими рядами и приказали ждать. Все громко скандировали цитаты, размахивали книжками. Вдруг по рядам прошел шепот: «Едут, едут». Появился зеленый армейский «джип», в котором в военной форме стоял сам Председатель. «Джип» медленно катил по площади, а толпа кричала: «Ваньсуй! Мао чжуси цзянькан! Ваньваньсуй!» («Десять тысяч лет жизни! Желаем председателю Мао здоровья! Десять по десять тысяч лет жизни!») Сидевшая рядом со мной Сю Лянь билась в истерике. Из ее глаз потоком лились слезы, она уже не кричала, а хрипела: «Ваньсуй!» Девчонки перед нами рвали на себе волосы, кто-то катался по асфальту. Все это продолжалось около пятнадцати минут. Затем появились солдаты с мегафонами и стали созывать всех на раздачу новых значков и цитатников. Пункты раздачи были устроены в прилегающих улицах. Там же стояли вереницы грузовиков, в которые стали сажать участников митинга. На сборном пункте прочли приказ всем иногородним хунвэйбинам вернуться по месту жительства, и на поезде мы вернулись в Шанхай».

Дальше в повествовании Фу Вэя рассказывалось о событиях 1967—1968 годов. Бесконечные расправы с «контрреволюционерами», погромы парткомов и комитетов комсомола, драки с соперничающими отрядами хунвэйбинов подробно описываются на нескольких десятках страниц его тетради. Вкратце перескажем самые главные события. Вернувшись в Шанхай, Фу Вэй узнал, что благодаря поддержке рабочих отца выпустили из тюрьмы, но перевели на работу простым чернорабочим с зарплатой 15 юаней в месяц. Семья питалась кашицей из грубого риса и соленой капустой. Фу Вэй все чаще приносил из рейдов по домам «классовых врагов» деньги, продовольственные талоны и другие трофеи. Вещи он обменивал на деньги среди других членов отряда «уничтожения собак». Мать так и не оправилась от нервного потрясения и почти потеряла дар речи. Отец почти не бывал дома, проводил как можно больше времени на работе. Фу Вэй тоже старался не бывать дома, приходил туда только поздно вечером, а иногда ночевал прямо в школе. Он и Сю Лянь полюбили друг друга и целые дни проводили вместе. Осенью 1968 года было опубликовано указание Мао Цзэдуна: «Сельские районы — обширное поле деятельности для молодежи, там можно проявить себя». Уже через несколько дней был составлен первый сводный отряд хунвэйбинов, отправлявшихся «на вечное поселение в горные и сельские районы, для получения нового воспитания со стороны бедняков и низших середняков». В него целиком вошел отряд Сю Лянь и Фу Вэя. В записях далее говорится:

«Рано утром все уже были в школьном дворе. За оградой стояли грузовики, обтянутые по бортам лозунгами на красной материи. Каждому отъезжавшему вручили по красному бумажному «цветку славы». Хунвэйбины младших классов били в гонги и барабаны. После короткого митинга нас всех посадили в грузовики и повезли на вокзал. Поезд должен был повезти нас в провинцию Юньнань, на самый юг Китая. Мои родители не пришли на вокзал. К Сю Лянь пришел только отец — мать знала, что обязательно расплачется при расставании, а потом ее будут критиковать за «подрыв революционной линии председателя Мао на высылку грамотной молодежи в сельские районы».

Мы с Сю Лянь не очень-то расстроились, когда поезд тронулся и повез нас на юг. Первыми мы запели «В открытом море не обойтись без кормчего». Мы думали, что едем делать великое дело, что деревня нуждается в нас, грамотных молодых революционерах, полных решимости бороться за преобразование отсталых сельских районов в духе «гениальных указаний» председателя Мао — «самого красного солнышка». В приподнятом настроении мы провели все пять дней пути — шутили, пели хунвэйбиновские песни, высмеивали тех, кто со страхом ждал прибытия в Юньнань. Вот наконец и Наньнин — столица Юньнани. Сразу почувствовалась перемена климата — стало трудно дышать, мы еле вынесли из вагона тюки с постелью и запасной одеждой. После митинга все тронулись в дальний путь на грузовиках, присланных из сельской коммуны. Сутки мы ехали до главного поселка коммуны, а оттуда еще 30 километров шли пешком до нашей производственной бригады. Сю Лянь подбадривала отстающих, пыталась улыбаться. Однако улыбка исчезла с ее лица, когда мы добрались до деревни, в которой нам предстояло поселиться. Она называлась Шаньпо (склон горы). Привычного митинга мы не дождались. Партийный секретарь просто пожелал всем стать героями. Он же показал нам жилье — полуразрушенную буддийскую часовню у подножия горы, которую нам предстояло превратить в террасное рисовое поле. В крыше и стенах часовни зияли дыры, рядом с входом валялись бамбуковые жерди. «Опираясь на собственные силы, сделайте из жердей нары и приведите дом в порядок. На это вам дается два дня»,— сказал секретарь. Затем он махнул рукой в сторону горы и, перефразировав слова Мао, с ехидцей сказал: «А вон там, на горе, широкое поле для деятельности грамотной молодежи».

Вечер наступил как-то слишком быстро, внезапно. Мы еще не успели сделать нары вдоль одной стены, как вокруг потемнело. Все улеглись спать прямо на глиняном полу. Мы с Сю Лянь лежали рядом, взявшись за руки. «Ничего, все будет хорошо. Вот увидишь»,— прошептала Сю Лянь и заснула.

Рано утром к часовне подъехала крестьянская повозка. На ней привезли наш паек — рис, сушеную сладкую картошку — батат, полуувядшие овощи. Возница, угрюмо поглядывая на нас, сбросил на землю кое-какие инструменты — лопаты, мотыги, пилу, несколько динамитных шашек. Что-то бормоча себе под нос на непонятном местном наречии, он развернул телегу и погнал коня вниз к деревне. Сю Лянь разделила отряд на две части. Одни остались приводить в порядок наш «дом», а остальные отправились на «поле». Когда мы дошли до вершины холма, Сю Лянь невольно воскликнула: «Ай-я! Разве на этих камнях можно что-то вырастить?» Огромные валуны выступали из-под земли, громоздились один на другом. Множество мелких камней покрывало вершину холма, почти целиком скрывая под собой землю. Далеко внизу виднелась деревня, окруженная ярко-зелеными квадратами рисовых полей. С тяжелым сердцем взялись мы за работу.

Бессмысленный монотонный труд заполнил всю нашу жизнь. С раннего утра до захода солнца мы собирали камни, дробили валуны взрывчаткой и заступами, складывали каменную основу террасных полей. Наши руки превратились в сплошную рану, от недоедания все осунулись и стали походить на злых демонов. Но партийный секретарь Чжан был недоволен тем, как мы работали. Он приезжал раз в неделю на велосипеде и принимался ругаться. «Это вам не языком болтать в городе. Если не кончите работу к посадке позднего риса — пе-

няйте на себя. Срежу вдвое пайки. Берите пример с кантонцев. Они работают в соседней бригаде и уже добились больших успехов. Кстати,— обратился он к Сю Лянь,— сходите-ка к ним перенять опыт».

Через день мы с Сю Лянь отправились к соседнему холму, который «преобразовывали» хунвэйбины из Кантона. Почти весь отряд соседей мы увидали, как только добрались до деревни Наньшаньпо (Южный склон холма). Разбившись на небольшие группки, они играли в карты, читали газеты. Узнав, что мы шанхайцы, соседи радушно приняли нас, угостили консервами. Они долго хохотали, узнав о всех наших мучениях. От командира кантонцев мы узнали, что с самого начала работы на такой же каменистой горе, как и наша, они применили «рационализацию» Она состояла в подкупе работников коммуны. «Вы обратили внимание, на чем приезжал к вам партийный секретарь Чжан? Это мы подарили ему велосипед. А он за это заставляет крестьян выполнять за нас часть нормы, расчищать гору. Вы что же, жить не научились? Ведь великая культурная революция — это школа жизни — не так ли?» В тот день мы дотемна слушали объяснения ловкачей из Кантона и по их предложению заночевали в теплом крестьянском доме, отданном хунвэйбинам.

Вернувшись обратно, мы рассказали все ребятам и решили поднести секретарю Чжану «в подарок» часы. Уже через неделю наша бригада тоже числилась «передовой», а местные крестьяне стали помогать нам. С того времени мы с Сю Лянь зачастили в соседнюю деревню. Мы подружились с командиром отряда кантонцев и его подругой, судьба которых была как две капли воды похожа на нашу. Однажды во время прогулки по окраинам деревни А Гэн, так звали командира кантонцев, рассказал о намерении уехать из деревни обратно в Кантон. Оказывается, почти с самого начала «культурной революции» А Гэн и его подруга установили контакт с шайкой воров и торговцев краденым, продавали им часть «реквизированных» вещей. Теперь они получили письмо из Кантона с предложением укрыться у «друзей». «Поехали с нами,— неожиданно предложил А Гэн,— Никаких проблем с пропуском, деньгами и карточками не будет. Не гнить же в этих горах всю жизнь».

Уже через неделю все мы были в Кантоне. «Друзья» А Гэна поселили нас в квартире одной старухи, жившей с внучкой, которая была членом шайки «Семь тигров восточной горы». За месяц, прожитый в этой квартире, мы узнали очень многое о тайной жизни Кантона. Немало нам рассказала Линь Фан. Она была «мотором», как называют в Кантоне девушек легкого поведения. Линь Фан не знала отбоя от «гостей». Особенно много среди них было кадровых работников, в том числе и из службы общественной безопасности. Как объяснила нам хозяйка, именно они были самыми выгодными клиентами. И дело было не только в деньгах. «Мотор» и покровительствующая ей шайка получали благодаря контактам с сотрудниками общественной безопасности практически полную свободу действий. Помимо эксплуатации проституции, несколько кантонских шаек занимались спекуляцией, грабежами, убийствами за плату.

Все эти, да и многие другие сведения мы получили из бесед с Линь Фан и другими членами шайки «Семь тигров восточной горы». Среди них было немало бывших хунвэйбинов. Ряды шайки с каждым днем росли за счет сбежавших из мест высылки молодых горожан. Скоро их стало так много, что полиция решила принять меры. Начались облавы.

Благодаря нашим связям мы обычно заранее знали о времени облавы и выезжали за город. Но все же имелись шансы попасть в полицию и быть высланными обратно в деревню. Поэтому А Гэн, посоветовавшись с руководителями шайки, предложил нам и еще нескольким беглецам перебраться в Гонконг. У «Семи тигров с восточной горы» были тесные связи с одной из гонконгских шаек. За путешествие в Гонконг А Гэн должен был оставить у предводителей шайки все деньги, накопленные им за два года «борьбы с контрреволюционерами». Мы же с Сю Лянь обещали возместить ему часть денег уже в Гонконге.

Стояла поздняя осень, и нечего было думать о том, чтобы перебраться через пролив, отделяющий Китай от Гонконга, вплавь. Поэтому нам приискали рыбачью лодку в одной из прибрежных коммун. Мы и еще несколько беглецов приехали в деревню вечером и до полуночи прятались в доме одного из рыбаков. Ночью нас вывели к джонкам, одели в рваную рыбацкую одежду. Рыбаки вели джонку, а мы все сидели, сгрудившись, на корме. Вдруг джонку осветил прожектор патрульного катера. Рыбаки ответили условными сигналами фонаря и продолжали плыть дальше. Высадка в необитаемой части Новых территорий Гонконга прошла удачно, полицейские нас не заметили. Джонка отплыла обратно, а мы по двое направились по условленному адресу.

Мы с Сю Лянь решили больше не иметь никаких дел с А Гэном и его компанией и не пошли на явку. Ночь провели, гуляя по улицам Гонконга, разглядывая витрины магазинов, баров, игорных залов. Два следующих дня почти ничего не ели, искали хоть какую-нибудь работу. Мне повезло первому. На одной стройке меня взяли подсобным рабочим с условием, что платить будут только половину обычного заработка. Сю Лянь еще три дня блуждала по городу, пока ее не взяли ученицей на швейную фабрику на тех же условиях, что и меня. Уже почти десять лет мы живем в Гонконге. Я нашел постоянную работу на верфях, а Сю Лянь нянчит двух наших дочерей, подрабатывает по вечерам присмотром за детьми состоятельных соседей. Как нам живется, скажу коротко — трудно. Цены растут, как бамбук после весеннего дождя. Но, по крайней мере, никто не заставляет меня искать «классовых врагов», издеваться над людьми, отрекаться от родителей». Мы с Сю Лянь с ужасом вспоминаем все, что сделал наш хунвэйбиновский отряд «Красная рота избиения собак». Я часто вспоминаю искалеченную такими же, как я, хунвэйбинами мать. Я вспоминаю наши мучения в горах Юньнани. Теперь я знаю, кто виноват во всех этих бесконечных бедствиях. Председатель Мао задумал и исполнил дьявольский план. Сначала миллионы хунвэйбинов расправились со всеми, кто проявлял недовольство идеями «великого кормчего». Потом нас, как сношенную обувь, выбросили прочь, выслали на село. Мы вовсе не были нужны «На бескрайних сельских просторах» — там и без нас хватало рабочих рук.

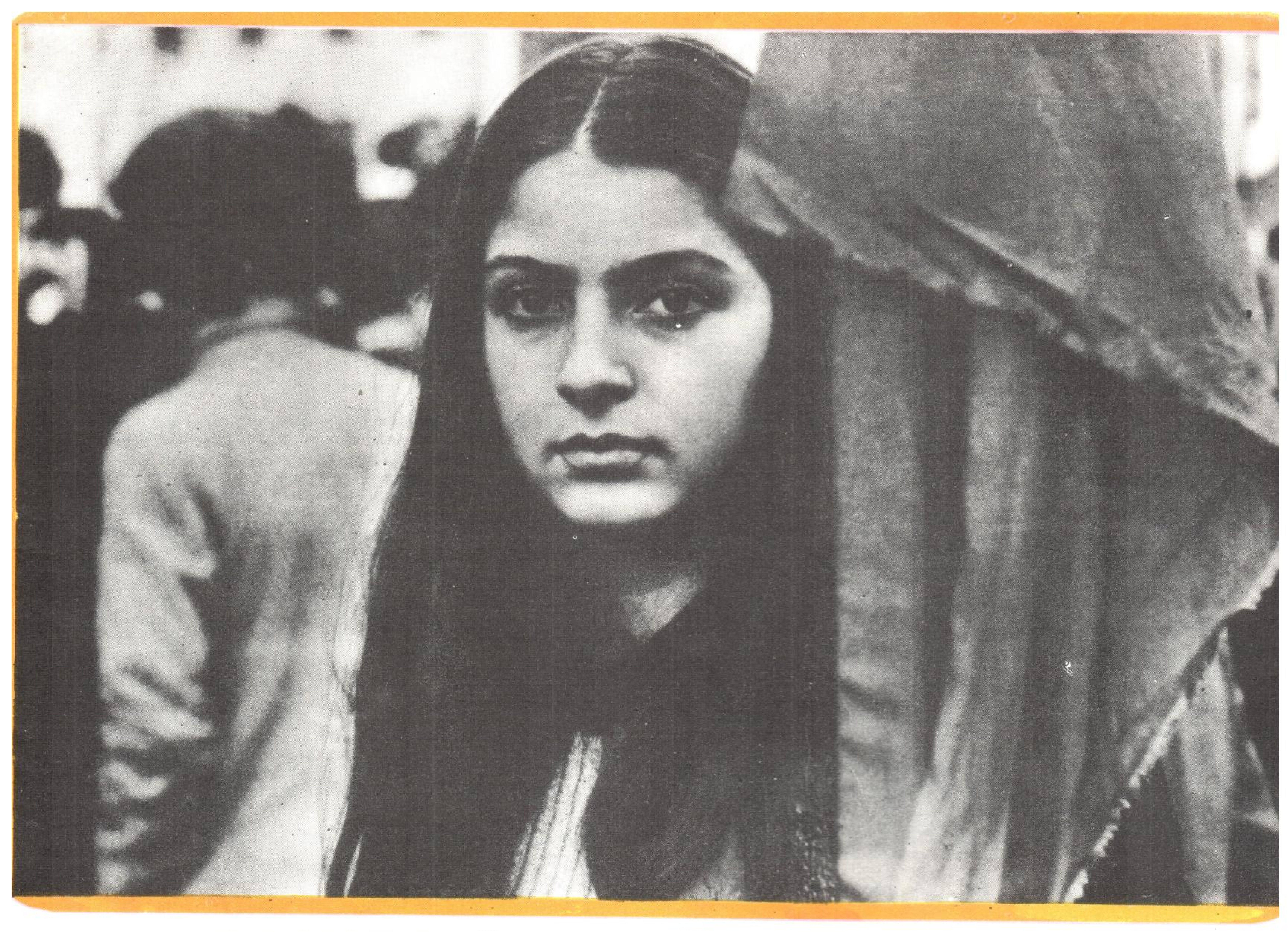
Мало что изменилось и после того, как закатилось «красное солнышко». Каждый год все новые сотни тысяч молодых горожан отправляются в деревню. Устроившиеся на завод счастливчики по-прежнему живут впроголодь. Хотя новые руководители Китая немного повысили зарплату части рабочих, но рост цен обгоняет эту прибавку, да и товаров в магазинах практически нет...

Сейчас в Китае снова стали принимать в институты за знания, а не за «революционные заслуги». Но в судьбе миллионов таких, как я, это ничего не изменило. Десятки миллионов деревенских ребят не смеют и думать об институте — ведь их знания слишком скудны. Из гонконгских газет я знаю, что несколько тысяч студентов собираются послать в Америку, Англию, Японию и другие страны. Но я не хотел бы попасть в их число. Кто знает, какое «солнце» будет светить над Китаем, когда они вернутся домой? Не отправят ли будущих выпускников американских вузов на «трудовое перевоспитание»? Не очень-то доверяю я и новому комсомолу. Ведь комсомольцев по-прежнему призывают быть верными «идеям Мао Цзэдуна»...

Я часто вспоминаю о маме, отце, братьях. Живы ли мои старики? Увижусь ли я когда-нибудь с ними?

Над моей страной продолжают дуть черные ветры. Они поднимают и бросают вниз миллионы песчинок — человеческих судеб. Я мечтаю о том дне, когда черные ветры утихомирятся и над Китаем взойдет по-настоящему красное солнце. Шлю тем, кто прочтет мои записки, привет. Фу Вэй».

На этом заканчиваются записи в тетради. Мы перевели их с небольшими сокращениями и надеемся, что перевод не окажется слишком труден для чтения.

«ВОЗНЕНАВИДЕВ ЛУЧЕЗАРНУЮ ЮНОСТЬ...»

Энцо РАВА,
итальянский журналист —
для «Ровесника»

За иллюзией следует падение, за обманом — унижение — такова судьба молодых, кого общество выталкивает на обочину жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать хронику. Можно взять любой день — вчерашний, сегодняшний или, увы, даже завтрашний. При этом хочу сразу же оговориться: речь идет исключительно о той части молодежи, которая в условиях капиталистического общества не нашла для себя места в борьбе за лучшую жизнь и светлые идеалы.

Штрихи к групповому портрету

НА ОБОЧИНЕ ЖИЗНИ: ...У входа в клуб «Конкорд» на бульваре Монтеграпа в Милане. Очень молодые парни, тощие и бледные, в черных или серебряных пластиковых куртках. Девчонки с размалеванными фиолетовой краской личиками, в шапках мелко завитых волос, в укороченных джинсах, курточках, с длинными шарфами, с кольцами в ушах. «Я приезжаю сюда из Мадженты каждое утро,— говорит одна.— Вечером у меня не получается; я работаю парикмахершей и раньше девяти домой не попадаю. Как это зачем приезжаю? На танцы, конечно. Я без танцев с ума могу сойти. Даже представить себе не могу, как это я пропустила бы, допустим, одно воскресенье. Нет, кино мне не нравится; вот состарюсь, тогда похожу. А сейчас мне пятнадцать, и я лучше буду с ребятами танцевать. Политика меня тоже не интересует».

...В четыре пополудни в другом конце города, на улице Сарни, начинает громыхать «Розовый слон». Стереосистемы передают шлягеры «Роллинг Стоунз» и других. Парню лет семнадцать, одет он... Впрочем, он сам упомянет об этом. «Я спросил себя,— рассказывает он,— а где собираются те ребята, которые не занимаются политикой? И вот я здесь, среди — как их там называют?— обывателей... В прошлом году я ходил вместе с молодыми экстремистами, но потом мне это порядком надоело. Да и им-то самим, я заметил, вся их жизнь обрыдла. Поначалу я, правда, стеснялся сюда ходить — не было модных белых штанов, да и вообще вид был не тот; так, размазня...»

«МОЛОДЕЖНАЯ» ХРОНИКА: ...Сводка последних новостей из разных районов Милана: «В Бареджо арестованы два двадцатилетних парня, пытавшихся ограбить почтовое отделение; в Лаинате карабинеры арестовали двух семнадцатилетних воров; в Сереньо хулиганы разбили камнями витрины магазинов, в Чезано Босконо — подожгли здание детсада. В Корнедо задержан одиннадцатилетний пьяный, а в Монца — 23-летний главарь шайки несовершеннолетних; в Корро Маджоре задержаны два восемнадцатилетних преступника, разбиравших опоры электропередачи; на шоссе Милан — Брешиа полиция обнаружила подпольный притон, содержавшийся четырьмя несовершеннолетними; в Куджано арестованы три парня, грабивших пожилых женщин; в Роццано школьники подожгли машины преподавателей и почтовые ящики; в Черсио задержана банда школьников, вооруженных велосипедными цепями...»

НАРКОМАНИЯ: «В доме № 61 по улице Давила (это уже Рим) узнали о смерти Бруно Де Грегори ранним утром... После обычных школьных лет — не блестящих, но и не особо дурных — он начал работать, нанимался то там, то здесь, так и не найдя постоянного места. В последние пять лет, однако, он связался с темной компанией; пару раз даже попадал, хоть и ненадолго, в тюрьму за угон автомобилей, еще за какие-то мелкие дела, в результате Де Грегори был взят на учет полицией как «опасный субъект». Казалось, он решил было изменить свою жизнь, но не тут-то было: к этому времени сеть подпольной торговли наркотиками прочно спеленала его. Был еще один момент, когда появилась надежда: он попал тогда в больницу, после женился, а два месяца назад у них появилась дочка. Похоже, что все налаживалось, не так ли? Но наркотик коварен и неумолим: рано утром его нашли в машине, на полу ее валялся шприц, рукав закатан. Вот так и стал парень, которому чуть больше двадцати, одиннадцатой жертвой наркотиков за последние одиннадцать месяцев жизни Рима...»

ТЕРРОРИЗМ: «Возненавидев лучезарную юность, Роберто Каноне в двадцать четыре года, встретившись с неодолимыми препятствиями, расстался с жизнью. Об этом с прискорбием сообщают безутешные родственники...» Это траурное объявление появилось на стенах небольшого города в области Лацио Фрозиноне. На истории жизни Роберто Каноне стоит остановиться несколько подробнее, поскольку она как бы включает в себя уже рассказанные истории и в то же время служит для них эпилогом. В 24 года Роберто, студент и сын благополучной провинциальной семьи, оказался вместе с тремя товарищами (как и он, вооруженными пистолетами и автоматами) в машине, мчавшейся по шоссе. Вскоре они останавливают автомобиль одного из членов местного городского суда — то есть человека не только им лично неизвестного, но и неизвестного кому-либо по каким-либо политическим процессам. В суде он имел дело только с уголовниками.

Четверо открывают огонь: судья и ехавший с ним служащий магистрата оседают, они скончались тут же; шофер пробует ускользнуть, но получает пулю сначала в ногу, а чуть позже, когда машина встала на обочине,— пулю в висок. В перестрелке был ранен и Роберто; пуля, выпущенная его же приятелями, вошла ему в спину. Он умер от потери крови между сиденьями машины — его друзья бросили его, пересев в другой автомобиль. Юноша, «возненавидевший лучезарную юность», как, оплакивая, упрекали его родственники.

В начале шестидесятых он был активистом левоэкстремистской организации «Рабочая власть», пропагандировавшей всеобщую городскую партизанскую борьбу, которая, по мнению ее членов, должна перерасти в «немедленную революцию». Когда произошел раскол и организация разделилась на тех, кто считал, что революция не зависит только от субъективных факторов, и тех, кто полагал, что за объективными дело не станет — их можно всегда соорудить и этим-то и надо заниматься,— Роберто перешел на полуподпольное положение. Ночная жизнь — это взрывчатка и оружие, дневная — словесные по мелочам перепалки и скандалы в городке со считанным количеством предприятий, с безработицей, с учением без смысла и конца, без надежды на работу; единственная разрядка — стадион (как же! их команда вышла в высшую лигу!), танцы и слова, слова, слова...

Размышления об иллюзиях и реальности

В сущности, слова лежат в основе разброда и разложения, поразивших толпы молодых итальянцев (все-таки не будем забывать, что речь идет о меньшинстве); слова, рождавшие в конце шестидесятых иллюзии; слова самоиллюзий в начале семидесятых. «Процветание, и немедленно!» — разве не то обещал неокапитализм!,— и «революция, и немедленно!» — разве не то обещал в первые годы кризиса экстремизм! Ну а реальность — ни процветания, ни революций, но зато безработица, все новые трудности, расставание не только с ближайшими перспективами, но и самыми далекими горизонтами надежд и обещаний.

Вспоминается время широкого экспорта из США в Европу обильного ассортимента иллюзий «экономического чуда», а также целого набора обещаний немедленных и тотальных освободительных революций. Если уж тогда популярные в те годы «экономические доктрины» казались каждому трезвомыслящему человеку наивными и гротескными, то сегодня они представляются не иначе как нарочито сбивающими с толку, отвлекающими и провокационными. Все на поверхности было просто: если исходить из того, что неокапитализм способен производить всевозрастающее количество все более качественных и разнообразных товаров, становится вполне достижимым освобождение от всякой необходимости. Да и вообще, к чему какие-то идеологии, когда впереди сколько угодно работы, полное удовлетворение всех прав на отдых, когда все и всяческие органы подавления или исторической необходимости сами по себе отпадут!

Не менее простым казалось и такое: к чертям государство, зачем нужна семья, долой «патриархальные» ценности, Земля — рай для молодежи, их танцев и песен! Компартия с легкой руки этих «революционеров» тоже попала в список безоговорочно осуждаемых «авторитетов», ведь она была привязана к прежним старым идеологиям, прежним представлениям о труде, образовании, организации государства. «Пустите воображение к власти!», «Ты-то, что ты имеешь?», «Будем тратить, чтобы подтолкнуть производство!», «Долой патриархальное общество!», «Не доверяйте тем, кому за тридцать!» Чудотворных лозунгов-заклинаний хватало у тех, кто считал себя «революционерами» по той простой причине, что с буржуазным государством они решили покончить лишь потому, что таково их желание. Сделать это казалось им не сложнее, чем разделаться с немодным костюмом.

Пробуждение от иллюзий, разочарование было кошмарным: за три-четыре года Италия испытала не только резкий политический поворот вправо (что это результат хорошо спланированной деятельности, сомнений не вызывает — тут «дворцовые» и международные заговоры, попытки государственных переворотов, предпринятая с дальним прицелом организованная террористическая деятельность, антикоммунистическая пропаганда), но и пережила первые жестокие приступы экономического кризиса — прошло немного времени, и вот уже заводы, учреждения и многочисленные конторы так называемого «сектора обслуживания», процветавшие в эпоху потребительства, закрывают свои двери перед свежеиспеченными выпускниками лицеев и институтов, алкающими — и разве не то им было обещано? — с помощью диплома пробиться на место, гарантирующее высокий оклад, машину, небольшую виллу у моря...

Три-четыре года, и какой шаг от избытка продуктов к скудости и нехваткам, от лучезарных перспектив сокращения рабочего дня к его реальному сокращению — кризис, везде застой! — и к полной безработице; от восторженной экзальтации по поводу «омоложения» мира к безразличию и даже враждебности по отношению к молодежи, объединенной в беспокойную и раздраженную «резервную армию», стоящую перед дверьми биржи труда.

Мало утешало то соображение, что и в других западноевропейских странах положение оказывалось не лучше; они хоть крепче стояли на ногах и питали надежду устоять даже перед такой мощной волной молодежной безработицы. У нас же основные структуры рассыпались как карточные домики: школы, не дававшие образования, университеты, не дававшие специальности, сама система общественных отношений, взорванная прежде всего скандалами, связанными с тридцатилетней коррупцией и некомпетентностью управления. Все начало разваливаться в государстве, только что пережившем период «антропологических мутаций» — миллионы крестьян, внезапно заброшенные в города, старые культурные традиции, поверженные новыми «ценностями», на поверку оказавшимися обманом, иллюзией.

Тогда-то и расчистилось поле, на котором обильно взошли неуверенность, страх, недоверие, отчаяние. Молодежь поголовно втягивалась в туннель, и никто не мог сказать, где он кончается: когда отыщется работа? когда же я почувствую личную независимость, смогу сам строить свою жизнь? Да и любовь превращалась в проблему: жениться? но на что жить и где жить?..

Оставалась, правда, еще одна великая иллюзия: немедленного возмездия, тотального освобождения. Если уж не помогло «воображение», чтобы гарантировать свободу, отчего не ликвидировать всю эту маразмную систему, отчего не заменить ее какой-нибудь другой, а лучше вообще никакой? Пожалуй, можно было бы написать рассказ в популярном сейчас жанре политической фантастики о том, как некие специалисты из Пентагона или ЦРУ, в чьи служебные обязанности входят вопросы дестабилизации Западной Европы с целью экспорта на континент долларового кризиса, решают подбросить в Европу парочку «взрывчатых идеологий». Нет нужды в идеологиях новых с иголочки, нет нужды и заниматься штопкой других, поизносившихся, вполне сойдут и самые потертые: немного прудонизма, бланкизма, анархизма, анархо-синдикализма, анархо-терроризма, немного по вкусу добавим Ницше, подсыпем троцкизма, все хорошенько взболтаем. И что же? Работает, плохо или хорошо, но, по крайней мере, как антимарксистское средство работает! К тому же открываются новые безумные «надежды»: завоевание власти с помощью вооруженного «авангарда», систематического саботажа, с помощью повседневного и повсеместного мелкого террора, с помощью отказа от индустриального прогресса, с помощью уничтожения школы как «структуры, созданной властью» или требований автоматической выдачи диплома каждому, кто соизволит записаться в университет.

Этот безумный коктейль, настоянный на безответственной болтовне, как ни странно, все же срабатывал: ведь его прописывали тем, кто уже был разложен, кто смотрел на жизнь с обочины. Пустейшие «философии», как та, например, что объявляла любые «желания» основными элементами формулы будущего общества, тем не менее оказывались действенными среди тех, кто потерял уже перспективу и смысл практических действий, у кого если что и сохранилось, так это способность к «хотению».

Наркотик иллюзий распространился не менее широко, чем гашиш и героин, а жертв у него еще больше. В самом деле, легче покончить с привычкой курить «спинелло» (сигареты с наркотиком.— *Примеч. пер.*), чем с путаницей в мыслях; ведь для первого достаточно воли, а для второго нужны здравые мысли, которых у этих людей как раз-то и нет. Разочарование потому и принимает трагические формы: своим огнем оно скосило многие тысячи молодых, а «движения», обещавшие им счастье, власть или, на худой конец, просто рай на земле, сами исчезали, столкнувшись с реальностью. Немало было и тех, кто укрылся от прибоя разочарований на старых берегах безразличия и аполитичности; они снова в своей среде мелких буржуйчиков (впрочем, не такими ли мелкобуржуазными были и все их иллюзии?!). И вот уже «рынок» предлагает им свои пилюли утешения: новые моды в музыке, танцах, одежде, новые конформистские «вызовы» конформизму — другими словами, новые загоны, новые культурные гетто для возвратившихся «блудных сыновей».

Другие, не согласившись на смирение, сменили былую политическую строптивость на частнопрактическое бунтарство: отказ подчиняться общественному порядку, да и вообще общепринятым нормам; мелкое хулиганство (почти что игра, не так ли?), разрыв с семьей, разрыв вообще со всеми, самоизоляция от общества, хотя бы и в рамках мелкой банды.

Самые разочарованные — обманувшиеся и обманутые, — перебравшие на своем пути не одну философию отрицания, в конце концов кончают в сетях терроризма. Сначала их допускают к «делу» как «подручных» для распространения листовок, кражи автомобилей, припрятывания оружия, охраны явок... Ненависть к миру, притягательность падения — все это звучит абстрактно, если не брать во внимание патологию их психики, отчаяние, доходящее до отрицания самого себя, ставшее Weltanschaung (мировосприятием /*нем.*/.— *Примеч. пер.*).

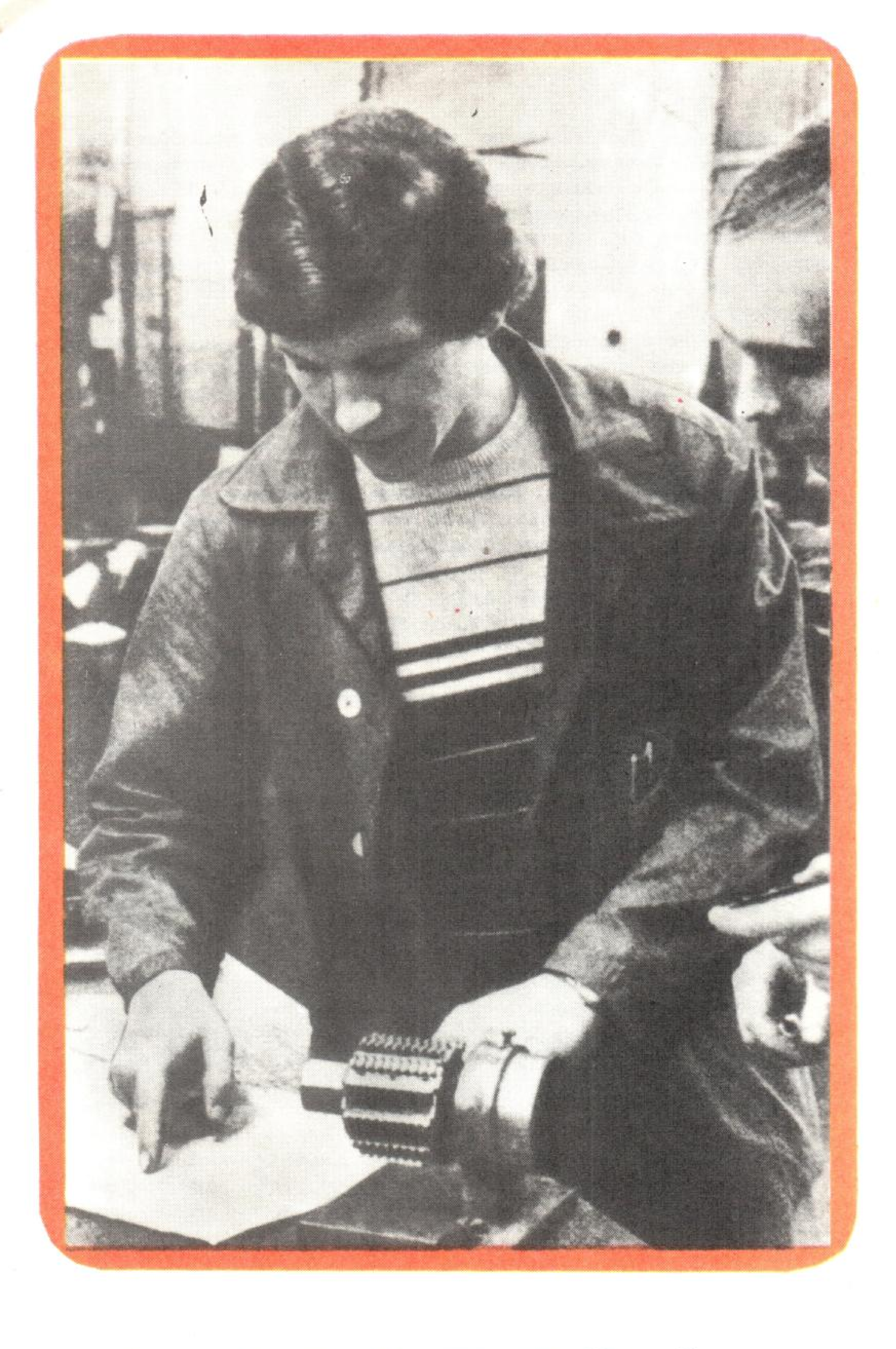
Чем больше ощущают они на себе давящую изоляцию, презрение, чем большее давление на них оказывает даже (нет, прежде всего) рабочий класс, который они были бы не прочь вовлечь в провокационное столкновение, в «открытый бой», тем яростнее их фанатизм. «Чем сильнее враг, тем больше чести».

У терроризма — свои «светлые головы»: они метят не против буржуазного государства, а против усилий рабочего класса переделать это государство изнутри; не против капитализма, а против такой перестройки экономики, которая ликвидировала бы паразитизм, спекуляцию, сверхприбыли. Не исключено, что оперативное руководство террористической деятельностью находится за границей; но терроризм — на уровне подручных — это и парни, которые убивают людей, веря, что они этим поражают символы ненавистного государства (судью, журналиста, врача, адвоката, сторожей и охрану). Своими револьверчиками они пытаются разрушить устои общества, веря, что затем оно рухнет само по себе, но куда чаще они сами гибнут как бездомные собаки, прошитые очередью полицейского, пулей сообщника, разорванные взрывчаткой, сработавшей раньше времени. Никто не вызывает такого сострадания, как их родители, не знающие, не понимающие того, кто ответствен за кусок свинца, оборвавшего жизнь их сына? в кого он целился сам? кто виноват в маразме, поразившем общество и сбившем с толку их сына? кто отравил его несбыточными иллюзиями, лживыми посулами, самоубийственными предположениями?

В том некрологе, что висел на стенах провинциального городка, читался и упрек отца и матери к убившему и убитому сыну: «Возненавидев лучезарную юность...» Сама по себе юность, молодость, разумеется, не достоинство, она — не особое условие, а если и условие, то скоропроходящее, она — не ответ на все проблемы жизни. Но юность — всегда обещание, хотя и в том только случае, если основывается оно на иных обещаниях, серьезных и взвешенных, на мечтах осуществимых, на желаниях исполнимых.

Рим, декабрь

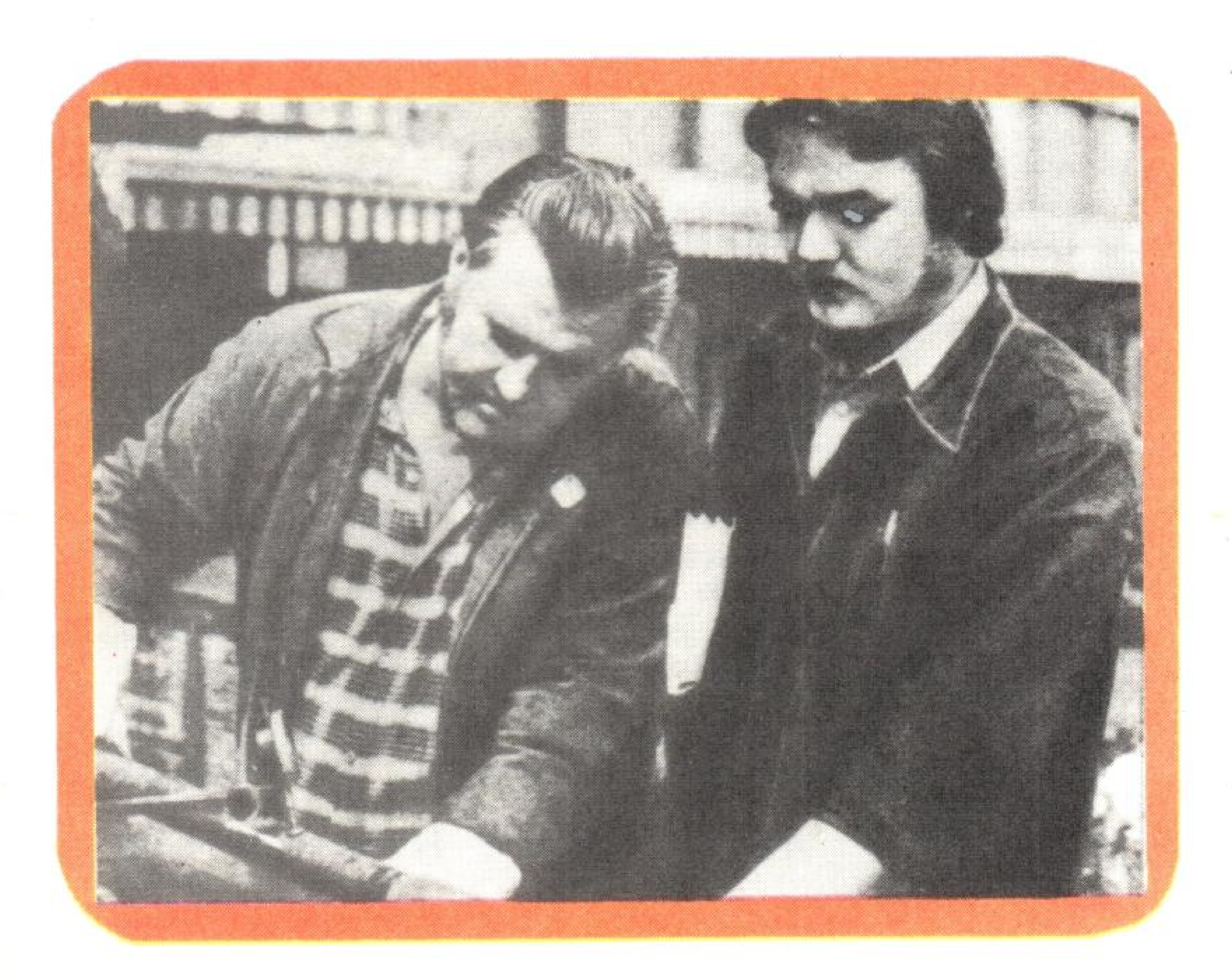
Перевел с итальянского
И. ГОРЕЛОВ

МАСТЕРА

Евгений ГИНДИ,
чехословацкий журналист

Фото Душана ТИСО

На словацком машиностроительном заводе СМЗ, как зовут его в Дубнице над Вагом, я познакомился с Каролом Гашпариком и Яном Томиком. Первому из них 24 года, второй на восемь лет старше. Оба они пришли на завод рядовыми рабочими и вот уже четыре года работают мастерами. Существует традиционное представление, что мастер — это обязательно умудренный опытом, уже пожилой, степенный человек. На СМЗ есть и такие, но много и молодых мастеров, как мои новые знакомые. Однако Гашпарик и Томик не совсем обычные даже среди них. Карол на заводе самый молодой мастер, а Ян самый лучший.

Вся биография Карола укладывается в несколько строк. Закончил девятилетку[1]. Жил в Омшени, неподалеку от которого, в Дубнице, находится знаменитый на всю Словакию машиностроительный завод. Поехал в Дубницу, три года учился на слесаря, получил разряд, начал работать. Вечером учился в общеобразовательной школе, получил аттестат зрелости. Вот, пожалуй, и все.

У Яна Томика самые важные моменты биографии тоже связаны с СМЗ. Сам он из Трнавы, приехав в Дубницу, поступил на завод и стал фрезеровщиком-универсалом. С увлечением выступал за местную футбольную команду. Получил приглашение в футбольную команду первой лиги, но отказался, остался на заводе.

— Не подумайте, что мне легко было сделать этот выбор,— говорит Ян.— В футбол я играю с тех пор, как себя помню. В армии играл в команде второй лиги и понял, что могу играть, что в этом, может, мое призвание. А тут такая возможность. Такие предложения каждый день не делают... А с другой стороны — завод, товарищи по дубницкой команде. Бросить все, сказать товарищам — я, мол, звезда, мне с вами не по пути? В конце концов, кто мне мешает проявлять свое призвание в «Дубнице».

И я остался. Двенадцать лет играл за «Дубницу» и двенадцать лет каждое утро отбивал в проходной табельное время. Физическая нагрузка была колоссальная — работать, тренироваться, играть. У меня весь день был по минутам расписан. А четыре года назад случилось это: мне предложили работать мастером в нашем цехе. Опять нужно выбирать. И я повесил бутсы на гвоздик. Но привычка дорожить каждой минутой осталась.

Самый молодой на СМЗ мастер Карол Гашпарик работает в калильном цехе. Здесь завершается обработка различных кованых изделий: они приобретают заданную форму, твердость, сопротивляемость химическому воздействию. Небольшие или крупные, весом в несколько тонн, детали термисты обрабатывают по установленной технологии в электрических и газовых печах, в соляных ваннах. Работает здесь пять бригад, в каждой свой мастер. Один из них Карол. У него в подчинении 40 человек. Все они старше его. Самому старшему 56, самому молодому — 25.

Карол рассказывает:

— Когда меня назначили мастером, мне еще не исполнилось и двадцати одного. Был я совсем зеленым. Чувствовал я себя, как не умеющий плавать, которому надо переправиться на другой берег широкой реки. Ну, сказал я себе, раз так, надо срочно научиться плавать.

В цехе я пять лет, три года учеником, два года уже работал самостоятельно, освоил и токарный станок и фрезерный. Обстановку в цехе знал, людей — тоже. Мастера из других бригад помогали мне, о чем ни спрошу. Сейчас смешно вспоминать, а тогда для меня главный секрет работы мастера заключался в оформлении ведомостей: как оценивать выполнение работы, как начислять зарплату, как следить за выполнением плана. Мне казалось это самым сложным. Теперь-то я знаю, что это самое простое дело. А самое главное — это наладить правильные отношения с людьми. Ведь от мастера зависит вся обста-

---

[1] *В Чехословакии девятилетняя школа примерно соответствует нашей восьмилетке; чтобы получить аттестат зрелости, нужно еще три года учиться в гимназии.— Примеч. ред.*

На снимках: вверху — мастер инструментального цеха Ян Томик; внизу — Карол Гашпарик (справа) — самый молодой мастер на СМЗ.

новка в коллективе. Наша бригада занимается торсионами для «шкоды» и «татры». Их подвешивают между колесами, и они должны выдерживать огромное напряжение. От нас во многом зависит их прочность. За смену проходит до 500 штук. И вот вам пример задачи, которая встает перед мастером. Торсионы у нас двух видов — 12-килограммовые и 50-килограммовые. С первыми работать легче. А с 50-килограммовыми человек намается, хотя деньги получит те же, потому что оплата у нас почасовая. И вот я как мастер должен следить, чтобы более легкая и более тяжелая работа доставалась всем по очереди. А если кому несколько раз подряд достанутся тяжелые, он недоволен, начинаются разговоры, обиды...

Но это самый простой пример. Мастер начисляет премию и может сделать вычеты из зарплаты, может применить другие меры наказания. И вот, чтобы и премия и вычет сыграли воспитательную роль, а это, безусловно, помимо всего прочего, и меры воспитания и коллектива и рабочего, они должны быть справедливы, и чтобы их справедливость была ясна каждому. То есть чтобы вся бригада знала, за что премия, за что вычет. Тогда и у мастера авторитет будет.

Я почти с первых дней на заводе был в заводском комитете Социалистического союза молодежи. Мне нравится работать с людьми, и, по-моему, у меня это получается. Это интересно, каждый день накапливаются впечатления, мысли, чувствуешь, и в тебе что-то меняется. В общем, вы, наверное, заметили, педагогика — мой конек. Наверное, поэтому и выбрали меня среди всех наших ребят на должность мастера, верили, что я сумею... Ну а я, по правде говоря, не всегда верил. Комитет ССМ — это одно, а в цехе с рабочими не все у меня сразу выходило.

Стал получать зарплату мастера, в цехе все называли меня «мастер», а я никак привыкнуть не мог — не откликался поначалу, пока по имени не назовут, не чувствовал себя мастером. Судите сами: в цехе я самый младший, многих рабочих на «вы» называю, а они меня на «ты». Был один, все время мне казалось, посмеивается он надо мной, не принимал всерьез. Так я целый час, бывало, не мог себя заставить подойти к нему и дать задание. Уж лучше сам сделаю. И еще: ведь у меня много друзей в бригаде. Как с ними себя вести? Еще, чего доброго, скажут: «Ишь раскомандовался». Но если бы кто со стороны поглядел, думаю, никогда не догадался, что со мной творится. Впрочем, как потом выяснилось, в бригаде были люди, которые понимали мое состояние.

У нас в бригаде работает один из лучших слесарей на заводе, он и в парткоме, и депутат в Национальном собрании республики. Его уважают все, а человек он суровый. Так вот представьте, мне с ним было легче всего. Тут не я правильный тон нашел, а он. Вроде как и мне и другим показывает, какие отношения должны быть в коллективе. Вот я сказал «показывает». Не подумайте, что он что-то показывал, вовсе нет. Все очень нормально, естественно у него получалось.

Ну, в общем, с ним все хорошо, еще и с другими отношения наладились. А было человек десять хоть плачь. А я все боюсь, что слишком начальником себя выставлю. Ну вот этот наш лучший слесарь мне однажды и говорит: «Ты это брось — не будь тряпкой. Если так и дальше пойдет, ты скоро вообще не сладишь с бригадой. А потеряешь авторитет, никто тебе его не вернет...»

А тут как раз случай такой. Мой друг вообще несколько дней не являлся на работу. Все ждали, как я поступлю. Я снял с него премию. Он сначала разозлился, недели две со мной не разговаривал. Но потом все стало на свои места. Сейчас мы и друзья по-прежнему, и на работу он ходит, как все.

Был случай и другой. Один рабочий 42 лет, отец троих детей, взял моду опаздывать, работать, как говорится, спустя рукава. Я его предупредил раз, другой, а он и внимания не обращает. Пришлось мне его наказать всеми мерами, какие есть в моем распоряжении. Он пошел жаловаться начальнику цеха. Тот выслушал мои объяснения и, конечно, меня поддержал. А потом, когда мы вдвоем остались, отругал меня: давно уже, мол, надо было меры принять.

Все это я вам рассказываю, можно сказать, доисторическое прошлое. Сейчас у нас и у меня, конечно, проблемы совсем другие. Бригада наша социалистического труда, и мы всегда берем на себя повышенные обязательства. В прошлом году, например, приняли решение перевыполнить план на 10 процентов. Почему именно на 10? Эта цифра не с потолка взялась. Собрались мы все вместе, помозговали, пришлось подключить смекалку. Одно рацпредложение — простенькое вроде, а время обработки торсионов сокращается. Подсчитали, получилось — можем сделать на 2 тысячи торсионов больше, чем нам надо по плану. Еще раз я все расчеты с начальником цеха проверил, и тогда наша бригада приняла обязательство.

Вот если бы теперь у меня спросили, в чем секрет работы мастера, я бы, пожалуй, одним словом не ответил. Хотя слово такое есть — воспитатель, но его все равно пояснять надо. Потому что, вы же знаете, и дети и взрослые терпеть не могут, когда их воспитывают. Человек только почувствует, что с ним воспитательное мероприятие проводят, и у него уже все в душе протестует. А я, когда говорю «воспитатель», имею в виду, что мастер должен быть всегда ровным в обращении, объективным. Ему первому поддерживать в коллективе чувство справедливости и взаимоответственности. Когда нужно, и приказать можно и даже необходимо, и дисциплину надо строго держать, но чтоб без самодурства. В общем, я об этом мог бы сутками говорить...

Я слушал Карола и думал, что на СМЗ хорошо знают людей, если так точно угадали, в чем призвание этого паренька, и не побоялись доверить самому молодому руководить коллективом в 40 человек. После этого мне особенно интересно было послушать самого лучшего мастера, что он думает о своей работе. Вот что рассказал Ян Томик.

— Когда я стал мастером, мне уже было близко к тридцати. Это немного, но и немало. У нас в цехе есть ребята и моложе меня, а вполне бы с этой работой справились. Зеленым я себя не считал. Но я был больше всем известен как футболист. А знаете, какие разговоры о спортсменах ходят. Часто и преувеличивают, но все же, что таить, есть и такие, что одну работу знают — в ведомости расписываться. Я старался норму выполнять, не халтурить, но, бывало, то полсмены — тренировка, то и весь день пропущу — играем в другом городе или еще что. В цехе понимали, что я не филоню, и не раз мою работу другие делали. И никогда никто меня не попрекнул, и глаз мне не кололи: мы, мол, за тебя вкалываем, а ты мяч гоняешь. Ворчали только, если я травму получал.

Предложение работать мастером застало меня врасплох. Конечно, лестно было, но я понимал, что в цехе есть рабочие и лучше меня. А цех у нас особенный — инструментальный. Это сердце любого машиностроительного завода. Он снабжает необходимым инструментом все цехи. Я не хочу сказать, что без нас завод совсем бы остановился. Кое-что можно, конечно, заказать и на другом специализированном предприятии. Но тогда вышло бы так, будто все купили автомобиль иностранной марки, а у нас в республике нет для него запасных частей. Малейшая поломка — уже беда. Пока достанете нужные детали, можете ездить на велосипеде. Крупный завод не может полагаться на случай. Износившиеся и поломанные инструменты необходимо менять сразу же. У нас в цехе мы делаем более двадцати видов различного инструмента. Невыгода наша в том, что мы не можем, например, как в других цехах, наладить один раз токарный станок и обрабатывать на нем несколько недель одну и ту же деталь. Мы не можем делать серии про запас. Только закончим, например, метчики для одного цеха, а уже пришли из другого — им нужен крепежный инструмент. Работаем мы, короче говоря, оперативно, в соответствии с потребностями производства. Все время приходится перестраивать станки, переходить от одной операции к другой. Такая работа требует точности, высокой квалификации, опыта и импровизации. Рабочие должны уметь работать на нескольких станках. С узкой специализацией в инструментальном делать нечего. Работы у нас всегда через край, нагрузка большая. А ведь некоторые инструменты требуют точности обработки до тысячной доли миллиметра. Ответственность ложится большая на всех. И на мастера, конечно, тоже.

И вот в таком цехе, где сорок четыре специалиста самой высокой квалификации, десять имеют восьмой разряд, а один даже девятый, мне предложили стать мастером. Друзья меня отговаривали. Дескать, ты в цехе десять лет рядовым рабочим был, кто тебя всерьез примет.

Но футбол меня научил: не злиться, не теряться, когда трудно, а, наоборот, собраться, сконцентрироваться, как для рывка, и пошел... Я знал, что сумею настоять на своем.

Мне рассказывали, кто «болел» за «Дубницу», что Ян был душой команды. В самые трудные минуты тренеры надеялись только на него. Между прочим, и этим его качеством руководствовались, когда решили испытать в роли мастера.

Уже через два года Томик завоевал звание лучшего мастера СМЗ, к спортивным дипломам он добавил и этот, получил денежную премию, о нем писали в заводской многотиражке.

Что значит лучший мастер? Каждый год на СМЗ идет соревнование между мастерами. Критерии при подведении итогов общие для всего предприятия: выполнение плана, лимит брака, рационализаторские предложения, минимум производственных травм, минимум мер наказания. По каждому показателю начисляются очки, и кто наберет больше всех, тот побеждает.

Ян Томик говорит: «Мой диплом принадлежит всей нашей бригаде социалистического труда. Это наши рабочие завоевали те очки, что привели меня к победе. Просто у нас такой цех, что не победить было нельзя».

Ян Томик явно скромничал. Его товарищи по цеху считают, что он действительно прекрасный мастер: все свое спортивное упорство, азарт, даже самоотверженность он принес в новую для себя работу. И его призвание спортсмена нашло здесь полное приложение.

Мои новые знакомые Ян и Карол были несколько смущены, что я собираюсь писать о них. Они все пытались доказать мне, что на СМЗ есть много замечательных людей, более, на их взгляд, достойных пера журналиста, а они самые обычные рабочие. Я слушал их и думал, какие они разные. Старший немногословный, сдержанный и, я бы сказал, надежный, чувствовалось, что слов он на ветер не бросает, а что уж сказал, обязательно сделает. Младший — весь энергия, казалось, сила из него так и брызжет. И было в них в то же время что-то общее. Я не сразу нашел слово, которым можно было бы определить то общее впечатление, которое оставляли два таких разных человека. Думаю, что точнее всего это общее можно назвать уверенностью. Они оба твердо стояли на ногах, уверенно чувствовали себя на заводе, уверенно чувствовали себя в жизни.

Перевела с чешского И. МЕСКИНА

ИЗ ЖИЗНИ «ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ»

Ханс-Йоахим ЛЕВЕР, западногерманский журналист

Король стоит, гордо вскинув голову, на борту моторной лодки, в джинсовом костюме, черных сапогах. Потом опускается крюк на толстом канате и поднимает его вместе с экипажем прямо в крепость Силэнд — 15 метров над уровнем Северного моря. Едва взобравшись на платформу, я оказываюсь нос к носу с двумя подданными его величества, у обоих зверский вид и по пистолету за поясом. Один выхватывает у меня сумку и ожесточенно перетряхивает содержимое. Другой так тщательно меня обыскивает, как будто и булавка, по его мнению, может служить орудием убийства. Эти меры означают, что королевство Силэнд находится в состоянии войны. Старый, проржавевший насквозь бастион для зениток — платформа на двух толстых бетонных опорах длиной 42 метра, шириной 20 метров, который англичане во время второй мировой войны выстроили у своих берегов для защиты от гитлеровской авиации,— таково государство, переживающее самую трудную страницу своей истории. Правительство распалось, войска постоянно находятся в боевой готовности, положение серьезно как никогда.

57-летний владыка Силэнда Рой I приглашает меня на аудиенцию в рабочий кабинет. Я вхожу в гулкий стальной бункер, мимо кухни, столовой, гостиной, и, наконец, меня усаживают на старую софу, передо мной пульт радиопередатчика, карты генерального штаба и черно-красно-белый государственный флаг. Одиннадцать лет назад Пэдди Рой Бэйтс, бывший майор британской армии, оккупировал эту платформу и сделал ее своей резиденцией. Она находится в семи милях от порта Харвич, вне трехмильной зоны британских вод, и поэтому считается ничьей территорией. «Это государство принадлежит мне, мне и никому больше,— говорит Рой I.— Мой министр оказался лжецом и вором».

Министра я посетил днем раньше. Это 44-летний Александер Ахенбах, преуспевающий торговец бриллиантами. По его словам, он три с лишним года верой и правдой служил королевству Силэнд. Сейчас, правда, он отзывается о его высочестве как о «круглом идиоте, который не научился ничему, кроме стрельбы».

Были, однако, времена, когда король и министр, являя собой полное единство мнений, предрекали Силэнду великолепное будущее. Их объединяло стремление разбогатеть, потому что мини-государство на столбах могло озолотить этих двоих своих граждан. Идея заключалась в том, чтобы превратить Силэнд в убежище для тех богатых людей, которым надоели налоги, а также для тех, кто не в ладу с правосудием. По мнению короля и его министра, это обеспечило бы им годовой доход в 21 миллион марок. Бэйтс и Ахенбах называли свою затею «последним грандиозным бизнесом века».

Ободренный мнением маститых юристов, что «Силэнд с точки зрения правовой вполне можно считать суверенным государством», Рой I начал домогаться дипломатического признания своего королевства.

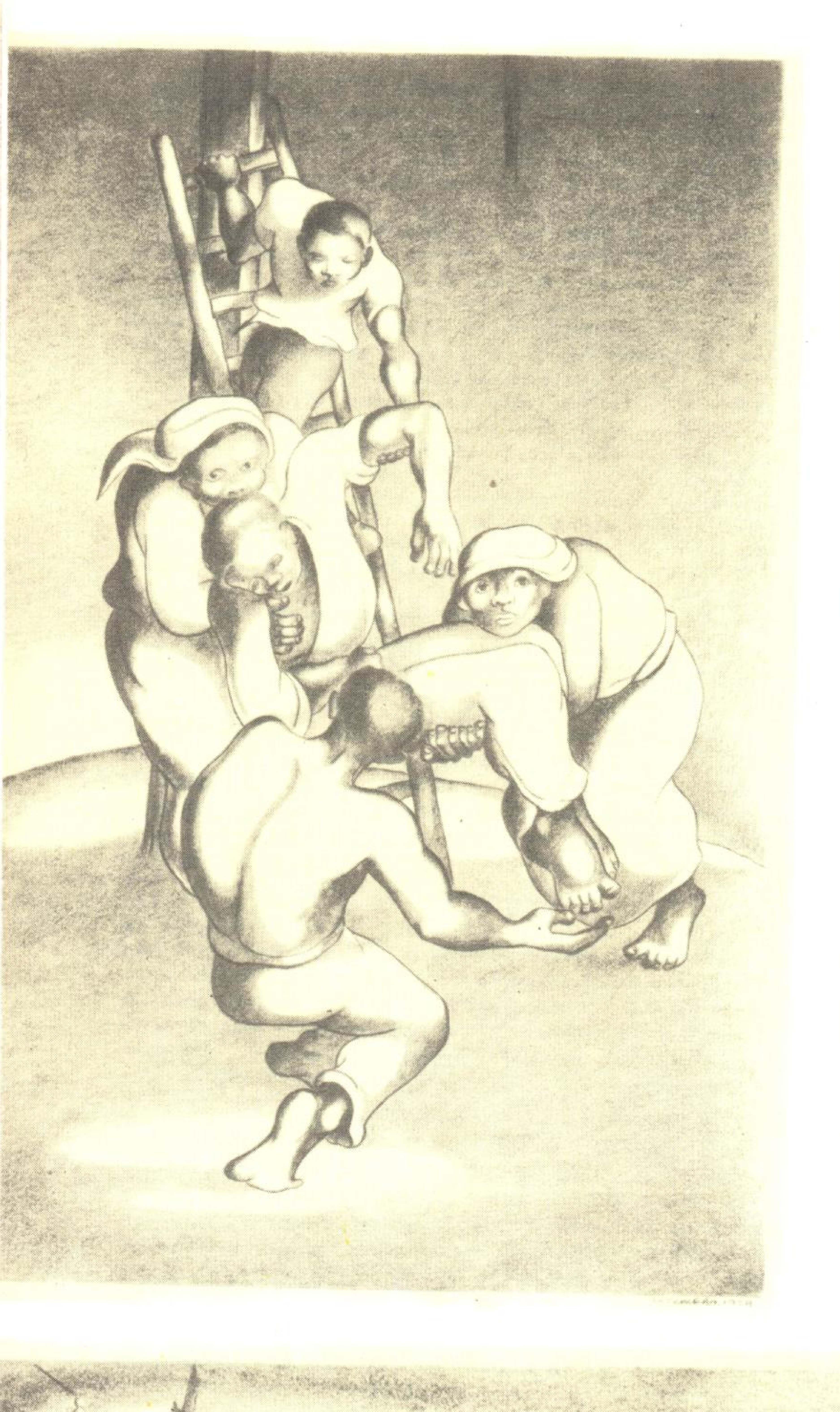
Но вскоре на Силэнд обрушились беды. Рой I обвинил своего министра в том, что тот торгует дипломатическими паспортами и гражданством королевства, а деньги кладет себе в карман. Весной 1978 года Рой I уволил министра и решил делать деньги сам. Он отправился в Зальцбург, чтобы за четыре миллиона марок сдать Силэнд международной компании. Разъяренный министр иностранных дел совершил то, что сделал бы любой политик мира в его положении,— попытку государственного переворота.

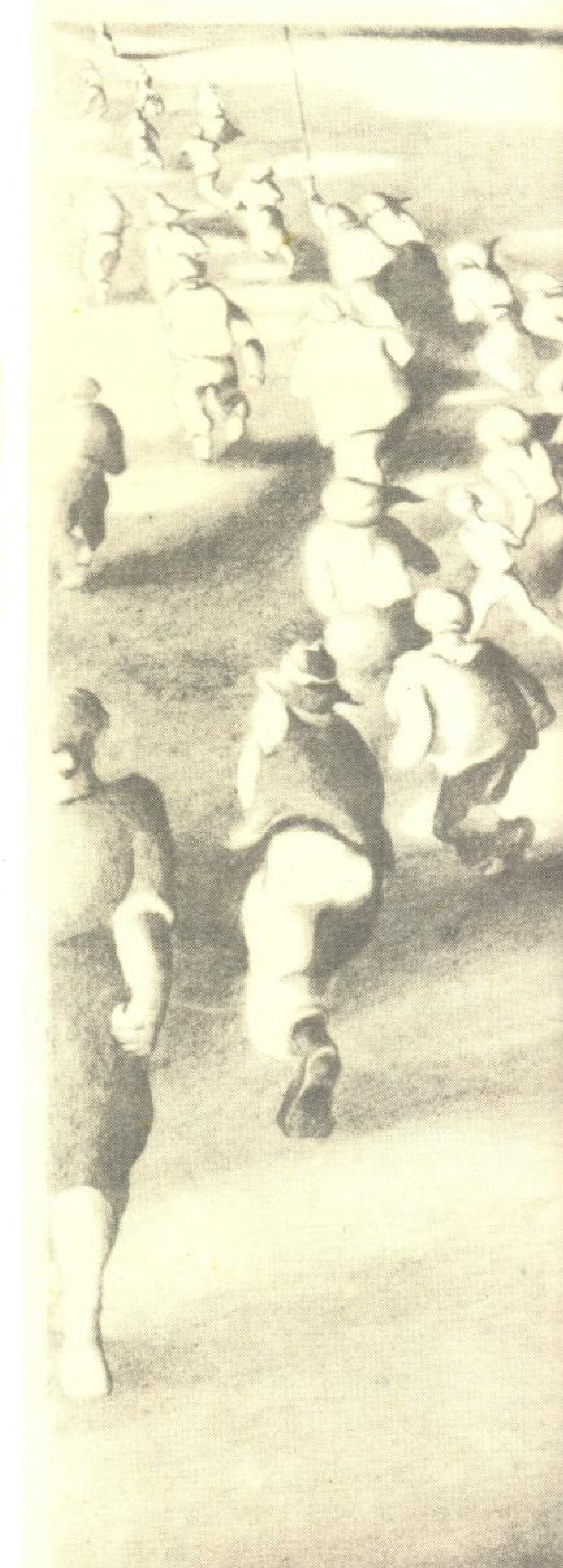
10 августа 1978 года, прорвавшись сквозь густую пелену тумана, застилавшую в то утро небо над Северным морем, на платформу приземлился вертолет. Три солдата из войск Ахенбаха вступили на силэндскую землю и объявили, что король свергнут. Переговоры в Зальцбурге были сорваны, и Рой I жаждал мести. Он хотел во что бы то ни стало вернуть свое ржавое государство и получить 4 миллиона марок. Рано утром 16 августа 1978 года на платформу снова опустился вертолет. Трое оккупантов были связаны и брошены в государственную тюрьму — темную камеру в основании одной из бетонных опор, уже под уровнем моря. Рой I выиграл второй раунд.

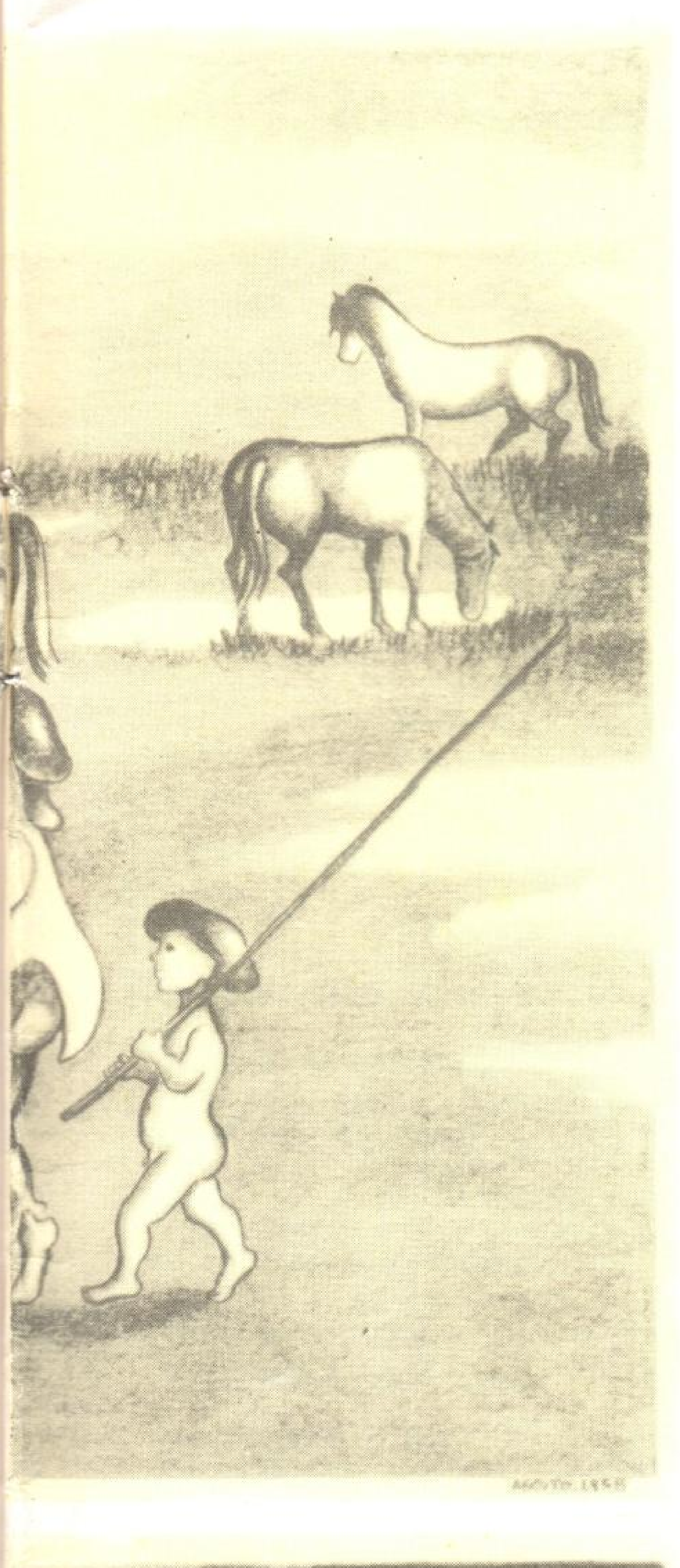
Я собираюсь отчаливать. Бакен на воде завывает каждые двадцать секунд — сигналит кораблям, чтобы не напоролись на Силэнд. Вообще-то это звучит как гонг к началу третьего раунда. За день до этого Ахенбах сказал мне с мрачной угрозой в голосе: «Я собираю войска...»

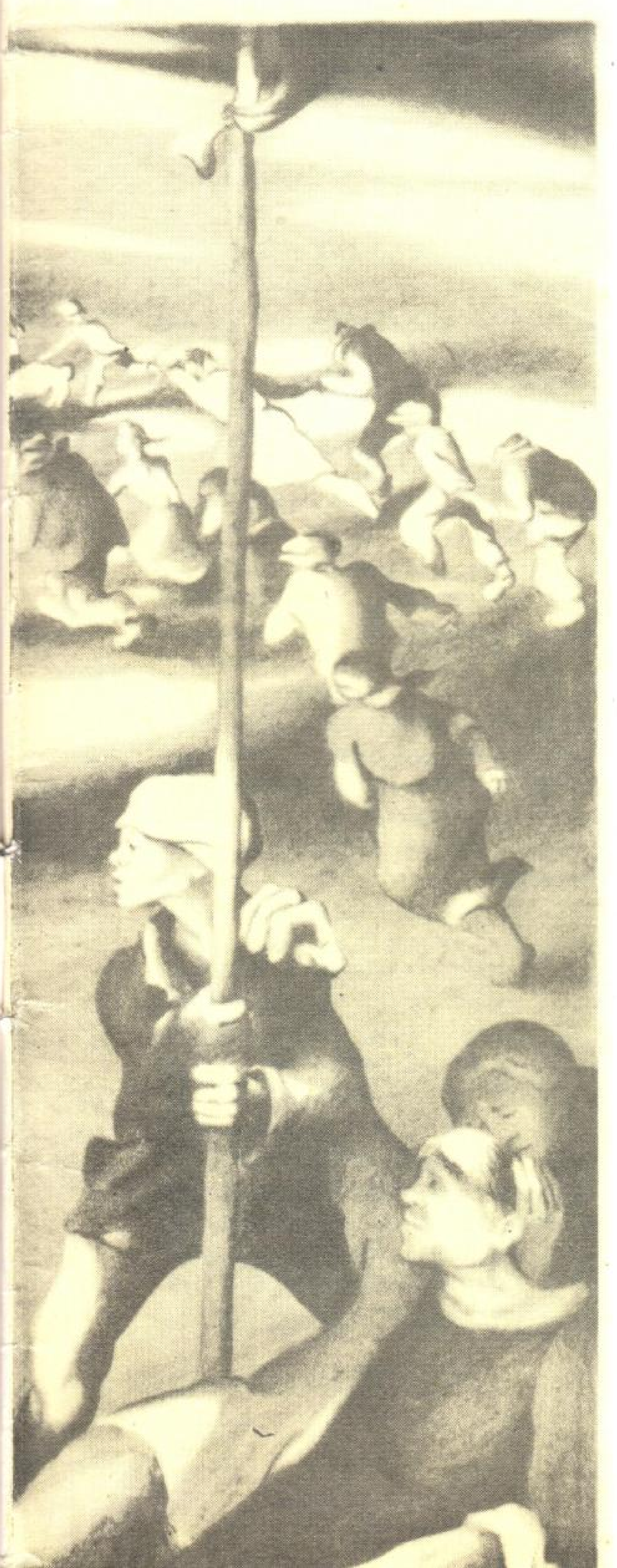
«А что, пушка-то стреляет?» — пытаюсь я пошутить на прощание и показываю на орудие времен мировой войны. «К сожалению, нет,— отвечает подданный Роя I,— а то бы мы давно уже пустили ее в дело».

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ПОРТУГАЛИЯ: ЖИВОПИСЬ, ПОЭЗИЯ, ПРОЗА

Этой подборкой «Ровесник» открывает на своих страницах новую рубрику, цель которой — дать читателям журнала хотя и далеко не полное, но достаточно живое представление о литературе и искусстве разных стран и народов.

Предлагаемые в первой подборке произведения живописи, поэзии и прозы отражают важнейшее направление в литературе и искусстве Португалии. Направление, возникшее в условиях жесточайшей борьбы возглавляемых коммунистами прогрессивных сил страны против почти полувековой фашистской диктатуры, одухотворенное идеалами подлинной демократии и гуманизма, черпающее темы для художественного осмысления в драматизме реальной жизни народа, на долю которого с лихвой выпали суровые испытания.

Сам факт существования такого искусства свидетельствует о том, что эти испытания не сломили исторического оптимизма португальских трудящихся, их веры в конечное торжество справедливости и свободы, их мужества. Оно по праву стало не только выдающимся явлением португальской культуры, но и ярким проявлением классового и национального самосознания.

Вглядитесь в рисунки, опубликованные на этих страницах. Нечасто бывает такое, когда бы личность художника своим благородством, силой и мужеством столь органично сливалась с создаваемыми им образами. Вряд ли кто сможет привести другой пример, когда бы преисполненные таким оптимизмом, такой трепетной любовью к жизни, к простым людям произведения создавались в тюремной камере. А ведь они отобраны из альбома, который называется «Тюремные рисунки» и были созданы художником в камерах лиссабонской тюрьмы и крепости «Пенише». Имя этого художника — товарищ Алваро Куньял, Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии.

Рассказ «Крик совы» взят из сборника произведений молодого португальского писателя-коммуниста Соэйро Перейро Гомеша и посвящен событиям в провинции Алентежу, той самой провинции, где после победы революции 25 апреля 1974 года впервые в истории страны на захваченных крестьянами помещичьих землях при поддержке коммунистов были организованы кооперативы.

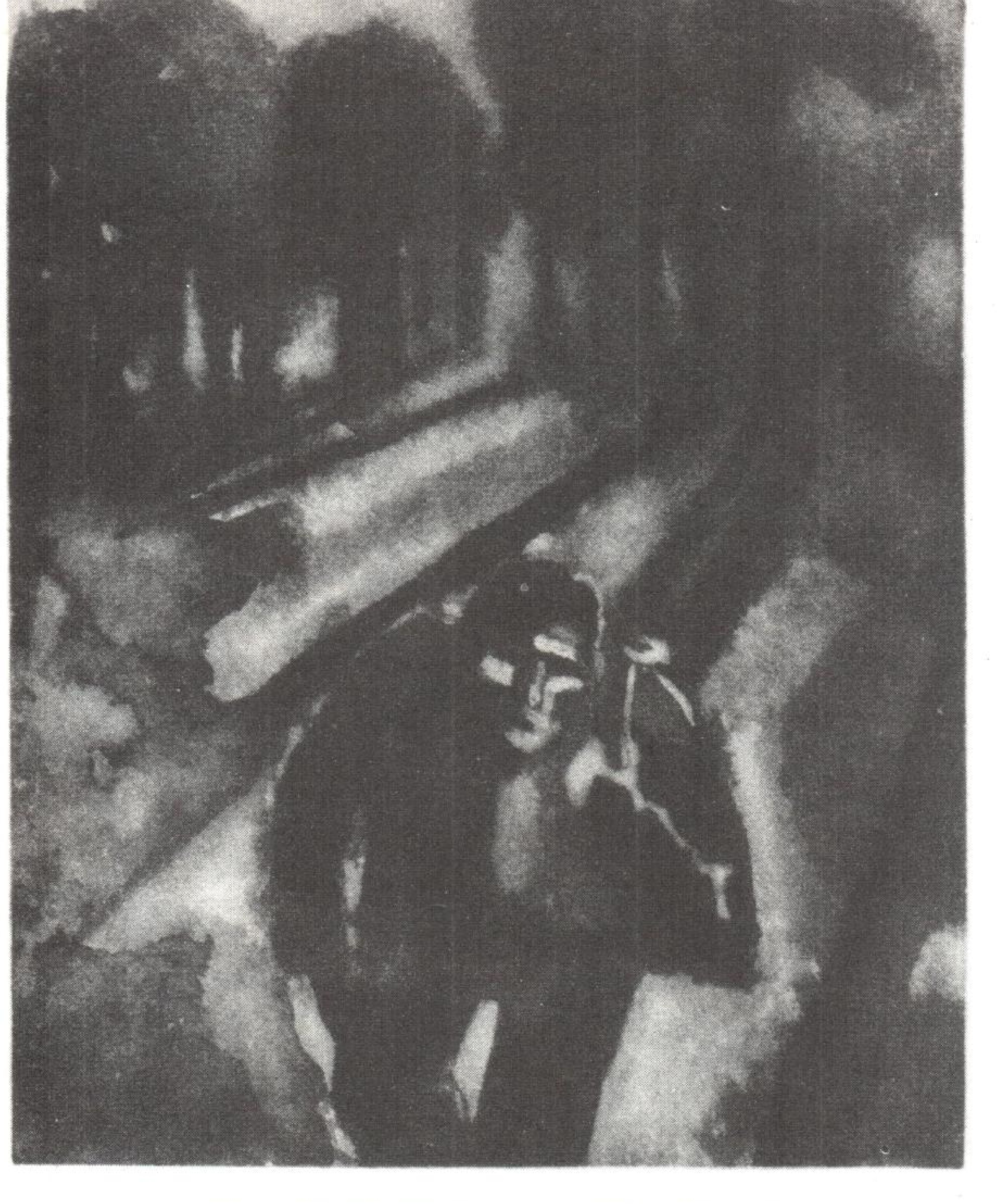
С тех пор прошло почти пять лет, но и сегодня продолжается борьба за то, чтобы земли Алентежу принадлежали тем, кто их обрабатывает. Реакция пытается повернуть историю вспять, вернуть поместья бывшим владельцам. И снова, как пять лет назад, снова, как во времена, о которых рассказ «Крик совы», вокруг португальских деревень устанавливаются вооруженные кордоны. И снова на защиту крестьян поднимается коммунистическая партия.

Собственно, рассказ «Крик совы», действие которого разворачивается на фоне дореволюционной борьбы крестьян за свои права,— о партии, о ее руководителях, об их чуткости и умении отличить минутную слабость от подлого предательства, умении поддержать оступившегося и вернуть ему веру в себя.

Подборку завершают «Песни революции», взятые из сборника, выпущенного издательством «Аванте!». Автору этих строк довелось слышать эти песни на португальском языке во время праздника газеты «Аванте!», о котором рассказывается на первых страницах этого номера «Ровесника». Темпераментные и лиричные, они покоряют простотой безыскусных мелодий, к сожалению, как это часто бывает с народной музыкой, не записанных на ноты.

Португальские комсомольцы сказали: а вы пойте их на мелодии своих песен. Они от этого не проиграют...

КРИК СОВЫ

Рассказ

Соэйро Перейра ГОМЕШ

ТОВАРИЩУ ДУАРТЕ[1] ПОСВЯЩАЕТСЯ

Целый год мечтал Томе об этой минуте (он давно уже находился на подозрении у товарищей, потому что, не выдержав пыток, заговорил на допросе) — и теперь, когда Алешандре обратился к нему с просьбой, так разволновался, что не в состоянии был произнести ни слова. Алешандре не обмолвился о прошлом, не корил его и не упрекал. Он просто рассказал Томе, что предстоит сделать.

А дело заключалось в том, что крестьяне деревни, откуда был родом Томе, забастовали, отказались убирать урожай, требуя увеличения заработка. И в наказание деревня оказалась изолированной, окруженной кордоном полиции.

— Глаза всего района обращены на бастующих,— заключил свой рассказ Алешандре.— Надо поддержать в них силу духа. Ты пойдешь?

— Да, пойду.

В этот момент он был согласен на все. Неожиданное поручение напомнило ему о тех временах, когда он пользовался доверием друзей и боролся вместе с ними. Ведь целый мучительный год он тоже был изолирован в наказание за малодушие, точно прокаженный...

— Завтра день поминовения усопших,— объяснил Алешандре.— Ты отнесешь этот мешок на кладбище.

— На кладбище?!

Восклицание это невольно сорвалось с губ Томе, и он покраснел.

— Ты боишься? — сухо спросил Алешандре.

— Нет. Я пойду, хотя бы наступил конец света. Я хочу снова заслужить ваше доверие.

Алешандре еле заметно усмехнулся и вынул из кармана револьвер.

— Возьми. Может понадобиться,— сказал он.— В мешке листовки. Их надо разложить на могилах. Прощай. Здоровья тебе и успехов.

Уходя, он обернулся.

— Луна взойдет ровно в полночь. Ясно?

Томе вертел в руках револьвер. «Может понадобиться»,— повторил он слова Алешандре. Был ли это намек на проявленную им в тюрьме слабость? Ну нет, теперь-то он докажет, что достоин доверия...

Пройдя половину пути, Томе остановился и взглянул на светящиеся стрелки часов. «Еще рано. Можно немного передохнуть». Он шел уже долго, опираясь на палку, придававшую ему вид заправского бродяги, и очень устал — тяжелый мешок оттягивал плечо.

Передохнув, он снова пустился в дорогу. Чем ближе подходил Томе к родным местам, тем чаще начал оглядываться, хотя и понимал, что этого не следует делать. Вдалеке, где одинокая звезда, казалось, указывала предел бесконечности, виднелась оливковая роща, еще темнее, чем ночь, густая и таинственная.

Что находится в мешке, кроме листовок? На ощупь он определил, что это банки консервов, пачки сахара, плитки шоколада... Конечно, для голодающей деревни всего этого было слишком мало. Но люди поймут — с ними солидарны, их хотят подбодрить в эту трудную минуту. Томе принялся вспоминать текст листовки: «Коммунистическая партия с вами, братья крестьяне! Ваша борьба — это и наша борьба!» Утром, положив полевые цветы на могилы родственников, женщины найдут утешение в этих словах, может быть, даже большее чем в консервах и шоколаде.

Он уже увереннее ступал по каменистой дороге. Ему вдруг захотелось нарушить тишину, засвистеть. Что-то зашуршало в ночи — наверное, ветви деревьев? Нет, это ветер. Оглянуться назад? Вот еще. Зачем? Томе размечтался. Теперь он был командиром, который возглавлял войско пролетариев. Непреклонное и непобедимое в борьбе. Вот показалось деревенское кладбище — белые надгробные памятники, украшенные цветами, точно церковный двор в день сельского праздника. Женщины едят шоколад, размахивают листовками. Они приветствуют его. А смуглые загорелые мужчины, сжав кулаки, сомкнули ряды...

Заухала сова. И Томе схватился за револьвер: «Крик совы предвещает несчастье!» Он уже подошел к оливковой роще, даже не заметив этого. Теперь ему предстояло углубиться в запутанный лабиринт тропинок; чужак непременно бы заблудился здесь. «Так вот почему они выбрали меня, ведь я здесь родился»,— подумал Томе, и эта догадка почему-то огорчила его. Но он тут же вспомнил, что обещал Алешандре идти хоть на край света.

Съежившись, он вошел под своды деревьев. Вокруг царили тишина и мрак. Слабый свет луны померк, и только звезды яркими каплями сверкали в листве. Снова заухала сова, ей ответила другая.

Он бросился бежать напрямик через рощу, спотыкаясь и падая. Холодный пот струился по его лицу, он задыхался, по спине словно ползали мурашки, мешок казался ужасно тяжелым. Он бежал, не различая дороги, дыхание стало отрывистым и хриплым. И чем дальше он углублялся в рощу, тем плотнее окружали его тени в каком-то странном, зловещем танце. Оливковой роще, казалось, не было конца. И совы вокруг ухали, ухали...

Когда он очутился на опушке рощи, то в изнеможении рухнул на землю. Из-за облаков выплыла молодая луна. От земли исходил аромат покрытых росою трав. Созревшая пшеница колыхалась под порывами ветра. Безмолвное, открытое поле приняло его в свои объятья, как некогда старая няня. Слезы навернулись ему на глаза. Если бы Алешандре видел, как он бежал... Какой позор! Но он не виноват, что так получилось. Наверное, товарищи не знают, почему он заговорил в тюрьме. Не потому, что не выдержал боли от побоев, а потому, что боялся одиночества и темноты в холодной камере, напоминавшей ему страшный чулан, куда дед запирал его в детстве за проказы.

Рис. В. Леонтьева

Рассказ взят из сборника «Потерянное убежище», 1975 г.

[1] *Товарищ Дуарте — подпольная кличка Генерального секретаря Португальской коммунистической партии товарища Алваро Куньяла.— Примеч. ред.*

ПЕСНИ РЕВОЛЮЦИИ

Жозе Жоржи ЛЕТРИА

напев грамоты

Буквы алфавита —
это тот же плуг,—
с ними обновится
вся земля вокруг.

Каждый звук и слово —
новое ружье,
чтобы лучше дело
защищать свое.

Каждая страница,
что напишешь ты,—
это путь к победе,
к торжеству мечты.

Каждое занятье,
лекция, урок —
для отчизны польза,
для народа прок.

Каждое спряженье,
слог, союз и знак —
ясный свет, который
разгоняет мрак.

Все, что ты узнаешь,
все, что ты поймешь,—
истину откроет
и развеет ложь.

Нас освобождает
каждый знак и слог.
Алфавит — единства
нашего залог.

Перевел П. ГРУШКО

человек — это мир людей...

Человек — это мир людей,
это время их и пространство,
это жизни разумный ход
и порыв к тому, что прекрасно.

Человек — это мир людей,
он приходит в мир и уходит,
а его так часто нужда
раньше срока в могилу сводит.

Человек — это мир людей,
это время земное наше,
это четкий и сильный пульс
и стремленье все сделать краше.

Человек — это мир людей,
это разум их и улыбка,
равновесие их в пути,
где загадочно все и зыбко.

Человек — это мир людей,
это зеркало их и заботы,
это вспаханная земля
и живая радость работы.

Человек — это мир людей,
это путь борьбы справедливой,
на который нас вывел Маркс,
чтобы стала земля счастливой.

Человек — это мир людей,
мир понятий и точных знаний,
чтобы видеть яснее цель —
знать, что было и будет с нами.

с молодыми коммунистами — до победного конца!..

В городах и в деревнях
покажи себя на деле —
жаром сердца своего
озари дорогу к цели.

Всюду, где идет борьба,—
и тверды и бескорыстны,—
жизни не щадят своей
молодые коммунисты.

С молодыми коммунистами —
до победного конца!

Дисциплина и задор
их сплотили воедино,
а единство молодых,
знаем мы, — непобедимо.

Справедливы их сердца,
ясен ум и голос молод,
строя новый мир, они
крепко держат серп и молот.

С молодыми коммунистами —
до победного конца!

Всем угрозам вопреки,
всем напастям и невзгодам
в новый день они идут
с трудовым своим народом.

Книга, молот и ружье
им откроют путь к свободе.
Знамя братства и труда
осеняет их в походе.

С молодыми коммунистами —
до победного конца!

Со стороны рва, окружавшего деревню, залаяли собаки. Черт побери! Там могут скрываться полицейские. Но собаки или полицейские, как бы они ни были свирепы, были чем-то реальным. А он боялся лишь заколдованных, неосязаемых существ. Вот кладбище — это другое дело. Томе содрогнулся при мысли о том, что ему еще предстояло пройти и это испытание. «Можно перебросить мешок через стену, — подумал он, переходя поле.— А если мешок попадет в руки полиции? Надо войти на кладбище... Тени в оливковой роще — это всего только тени».

Рассуждая таким образом, он пытался обрести мужество. Пересек пустой ров (наверное, полицейские расположились где-то ближе к деревне), взобрался на вершину старого дерева и глянул вниз. На кладбище царило мертвенное, вызывающее озноб спокойствие. Плоские могилы с зелеными кустиками, венками и грубо сколоченными крестами напоминали куртины в саду, они говорили о горемыках тружениках, сраженных после упорной борьбы. В глубине, под сенью кипарисов, высилось надгробие. Томе сделал вид, будто не видит его. Там были похоронены его предки, и среди них тот самый злой старик, что избивал слуг и наказывал за малейшую провинность Томе, тогда совсем еще мальчишку. Деспот!

Снова залаяли собаки. Луна в вышине залила кладбище мертвенно-бледным светом. «Пора,— решил Томе,— освобожусь поскорее от мешка и разложу по могилам листовки. А там... ищи ветра в поле, никому меня не догнать». Он ощутил руками холод каменной ограды. И спрыгнул вниз. Внезапно около ствола кипариса, у самой гробницы, он различил неподвижную фигуру. Томе замер на месте, остолбенев от ужаса. Нащупал в кармане револьвер, но рука отказалась повиноваться. Его снова затряс озноб. Он слышал, как стучит его собственное сердце. Здесь, в царстве мертвых, всякое оружие было бесполезно. Призрак был страждущей душой его деда, который явился наказать внука за кощунство. Да, конечно, это был дед. Томе видел, как он приближается к нему, ощущал смертельное прикосновение ледяных рук... «Почему Алешандре велел ему явиться на кладбище? Ну почему? Боже мой!»

Он упал на колени, спрятал лицо. И вдруг услышал знакомый голос, который произнес:

— Ты устал, товарищ? Давай-ка мне твой мешок.

Томе поднял голову.

— Как, это ты... Алешандре?!

— Я подумал, что тебе будет нужна моя помощь...— И уже деловым тоном добавил: — Пошли. Разложи листовки и уходи. Собаки могут нас выследить.

Томе приподнялся.

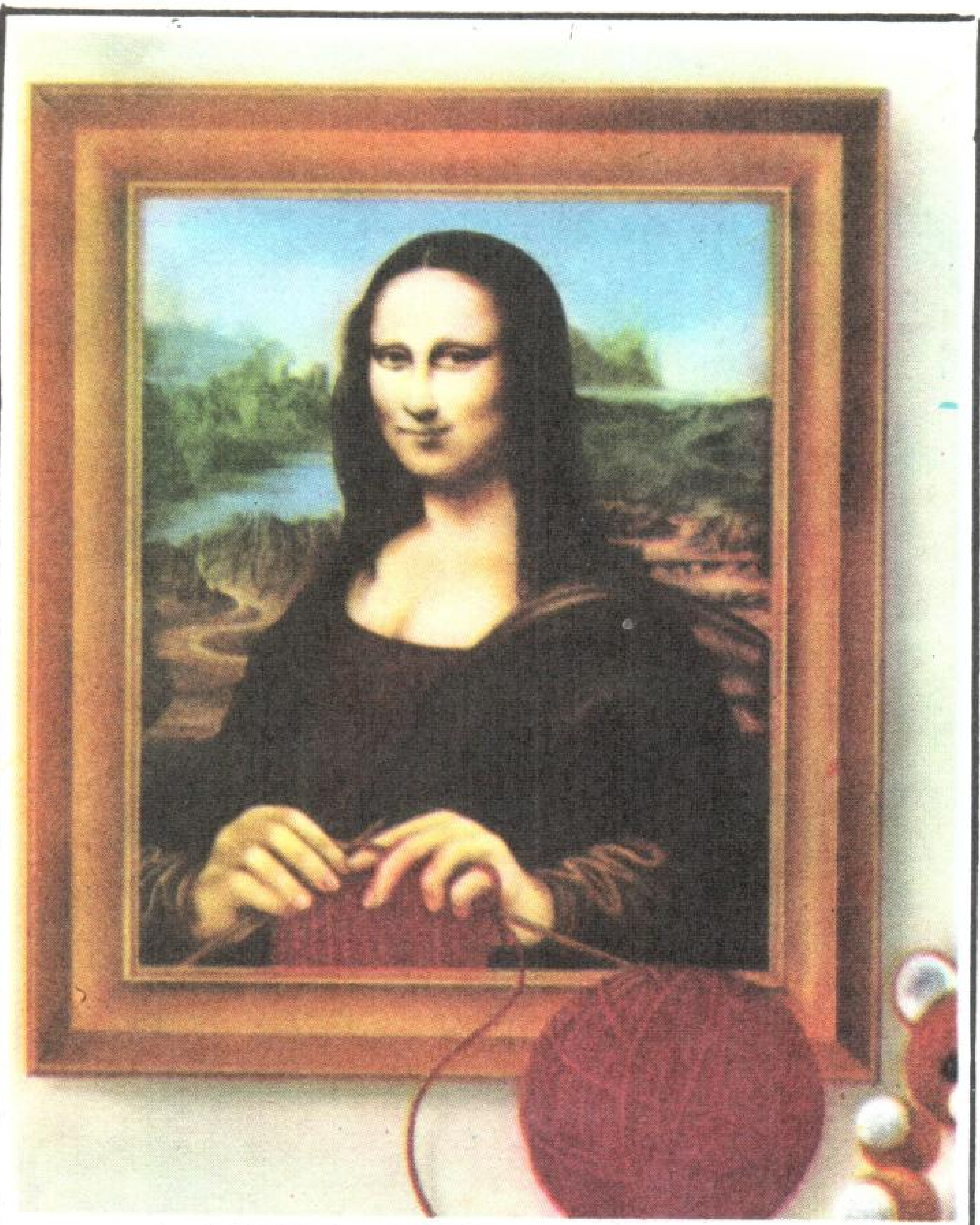
— А как же ты?

— Я останусь тут. Попробую поговорить кое с кем из женщин.

Минуту спустя Томе уже пробирался по мокрой от росы густой траве. Он твердил про себя: «Вот это человек! Вот это человек!»

В озаренной светом оливковой роще заухала сова. Тут же ей принялась вторить другая. Томе улыбнулся. «Забавно все-таки кричат эти совы!»

Перевела с португальского Е. РЯУЗОВА

А МОНА ЛИЗА УЛЫБАЛАСЬ...

В Дуйсбурге (ФРГ) открылась выставка, которую можно назвать персональной, ибо единственная персона, на ней представленная,— Мона Лиза, Джоконда. Впрочем, самой картины там нет, она по-прежнему в Лувре. В Дуйсбурге же — слепки джокондамании и образцы торговли «загадочной улыбкой».

В самом деле, загадка: отчего уже пять веков мучает человечество эта улыбка? Однако нет ничего загадочного в столь успешной бесстыдной и пошлой эксплуатации ее фабрикантами чулок, слабительных, сыра и прочая. В готовности сотен людей принять участие в идиотском конкурсе «Мисс Джоконда» (с фотографий смотрят не только лица молодых девушек, но и парней, загримированных «под Лизу», и парней не загримированных). «Почему ты улыбаешься, Мона Лиза? — звучала на выставке песня Гизеллы Мэй.— Глядя на нас? Не видя нас? С нами? Вопреки нам? Почему?» Действительно, в пору и заплакать.

ЖЕНА — ВЕЩЬ НЕНАДЕЖНАЯ

Печален взор у Жан-Клода Дювалье, больше известного под именем Бэби Дока. Очень уж много забот у «пожизненного президента» Гаити. И все — о благе своих сограждан. Это ради них он питается исключительно калорийной пищей, чтобы, не дай бог, не похудеть. Ради них он ежедневно купается в море и выезжает еженедельно на охоту. Последнее мероприятие обставляется так: впереди и сзади президентской особы едут броневики, а по кустам рассыпаются отряды «леопардов» — охранников-головорезов, заменивших печально известных «тонтон-макутов». Все это — чтобы народ был спокоен за своего избранника. «Я самый молодой в мире глава государства. И самый любимый»,— скромно заявляет Бэби Док. За его увесистыми плечами немало и других достижений. Заняв президентский трон после смерти Папы Дока в возрасте 19 лет, Дювалье-сын за семь лет правления установил ряд рекордов. Его неусыпными заботами Гаити занимает сейчас первое место в мире по детской смертности и самую низкую ступень по доходам на душу населения. (Доходы самого диктатора сюда, разумеется не входят.) Из важных дел осталось только жениться, чтобы подарить народу законного наследника. «Но мне нужна жена, которой я мог бы полностью доверять»,— сокрушается Бэби Док. А где такую взять!..

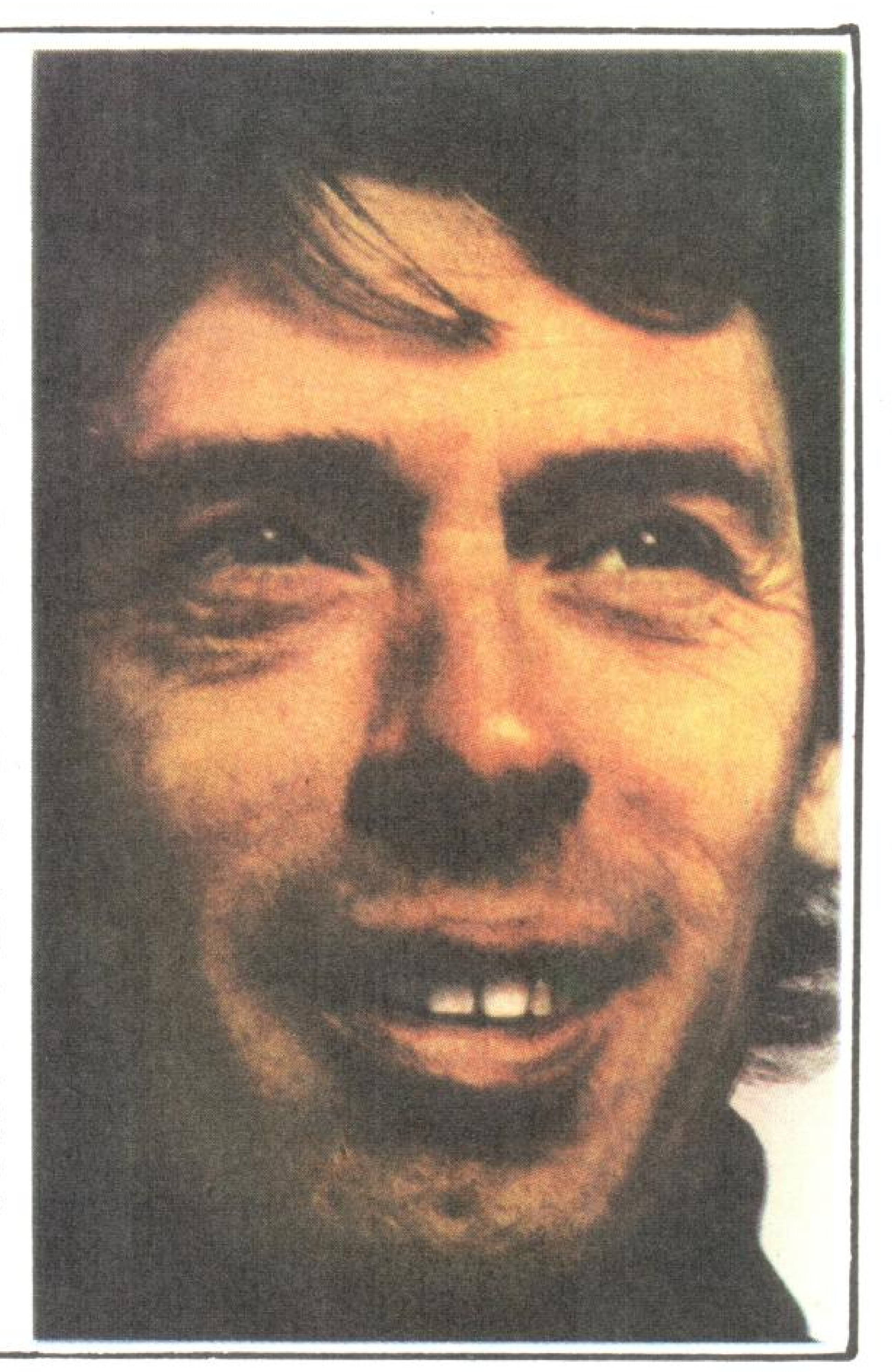
«СПИД-СЕЙЛ»: ПАРУС ПЛЮС СКОРОСТЬ

«Роман» спортсменов с ветром продолжается. Напомним, что на протяжении последнего десятилетия увлечение парусом привело к появлению и нового вида серфинга (доска плюс парус плюс морская гладь), и нехитрого сухопутного устройства (та же доска плюс подшипники плюс парус плюс асфальт), и даже небесных крыльев (дельтаплан). Теперь в этом семействе скользящих и парящих прибыло: на дорогах, стадионах и просто парковых лужайках Франции появился «спид-сейл» — знакомая уже доска с парусом, но поставленная не на подшипники, а на четыре колесика диаметром в 33 сантиметра, которые хорошо катятся даже по траве и песку. Конструктор «спид-сейла» (то есть «скоростного паруса») француз Арно де Розне утверждает, что при шестибалльном ветре его аппарат делает 80 километров в час. Солидная скорость.

УМОЛКЛА ПЕСНЬ ТРУБАДУРА

Всю свою недолгую жизнь — он умер в 49 лет — Жак Брель бежал от упорядоченности и спокойствия, чурался налаженности — как в своем искусстве, так и в обыденной жизни, словно стремясь всякий раз заглянуть за пределы конечного. Первый разрыв — в 24 года. Сын бельгийского фабриканта, Жак отправляется в Париж начинать с нуля карьеру автора-композитора-исполнителя. Продолжение известно. Брель становится Брелем. Не на волне моды, а силой собственной личности. Трудно найти среди французских, да и не только французских, артистов человека, который бы столь полно оправдывал каждую часть этого триединства: поэт-композитор-певец. Его поэмы издавались отдельными сборниками, а некоторые строки стали частью фольклора. Его музыку узнавали безошибочно и когда она звучала в чужих устах. Вспомним хотя бы «Не покидай меня» или «Амстердам», которые поют сейчас Дин Рид и Марыля Радович. Наконец, Брель-артист, неистовый, саркастичный, неизбывно нежный. За пятнадцать лет выступлений он объехал сотни городов, десятки стран, гастролировал он и в СССР...

В начале 70-х годов второй разрыв — Брель оставляет сцену, чтобы осваивать новое дело: кино. Его карьера исполнителя характерных ролей была в зените, когда он узнал приговор врачей. И Жак Брель оставил все в третий раз, переселившись в тропики. Как Гоген. Здесь же, на острове Хива-Оа, он завещал похоронить себя.

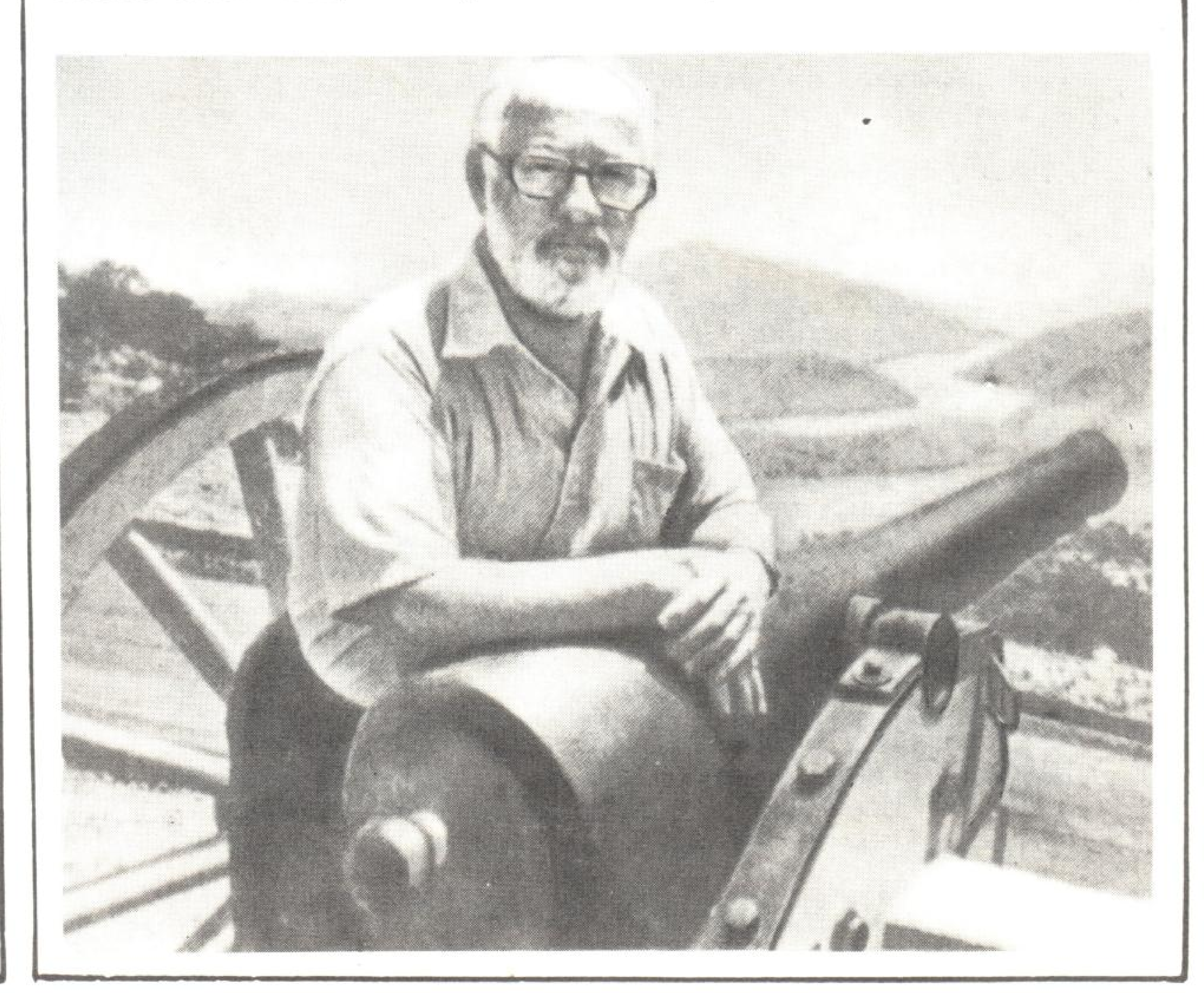
ЭТИ ОБОЛЬСТИТЕЛЬНЫЕ ДЬЯВОЛИЦЫ...

Наконец-то «супермен», десятилетия не сходивший с журнальных обложек и киноэкранов, повержен. Его победила «супервумен» — кровожадная амазонка, свирепая валькирия. «Супердамы» залихватски применяют приемы каратэ, нападают спереди, сзади, с воздуха; их мечи разят неумолимо, и вся эта дьявольская сила направлена на уничтожение единственного, по их мнению, социального зла в современном обществе — мужчины.

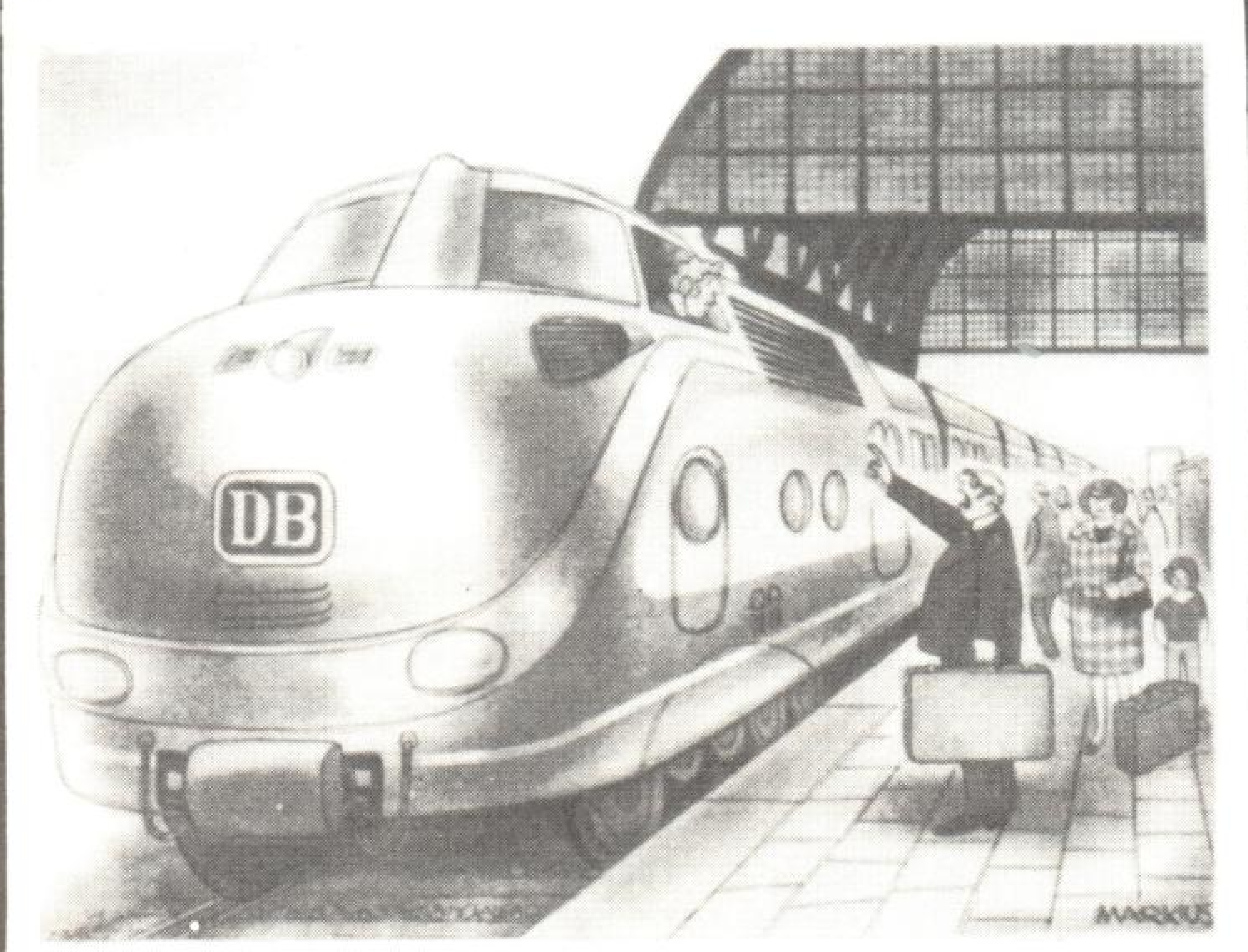
В чем же причина волны «женского» безумия! В капиталистическом обществе женщине издавна отведено второе место, что, конечно, вызывает чувство протеста. И чуткое ухо бизнесменов уловило это. Известная американская компания «Марвел комикс» начала печатать комиксы, прославляющие женщин, которые, хотя и на бумаге, хотя и на картинках, но становятся «победителями». (Кстати, картинки рисуют сами мужчины!) За короткий срок боевых действий против сильной половины человечества компания сумела выпотрошить из сумочек его слабой половины сто миллионов долларов...

...И НА ПУШКЕ ИГРЕЦ

Музыкальный репертуар Чарльза Марша из Калифорнии вряд ли назовешь обширным: он состоит всего из одной ноты. И исполняет он ее... на пушке. Чарльз абсолютно убежден, что при исполнении музыкальных произведений, повествующих о жарких сражениях, для создания драматического эффекта выстрелы просто необходимы. Некоторые американские дирижеры разделяют мнение Чарли. Но во время исполнения «Победы Веллингтона» Бетховена Лос-анджелесским симфоническим оркестром инструмент «сфальшивил». «Нота» разнесла вдребезги все стекла, разбила водопроводные трубы. От затопления филармонию спасли вовремя подоспевшие пожарные...

А ЧТО РИСУЮТ?

Скажите, а вы, случаем, не коммунист!

(«Штерн», ФРГ)

«СПОКОЙНО... СПОКОЙНО... ЕЩЕ СПОКОЙНЕЕ...»

Рой КАРР,
английский журналист

Мы уже писали об английском пианисте Элтоне Джоне (в № 6/75), тогда он находился на пути к успеху, жертвуя ради него многим, в том числе и своей человеческой целостностью. В публикуемом ниже интервью он предстает уже как человек, который может позволить себе роскошь быть честным. Это действительно роскошь. У Элтона Джона появилась возможность отказаться от многого, что было противно его человеческой натуре только после того, как ему удалось выкупить свою творческую независимость ценой долгого и унизительного подчинения требованиям всемогущего шоу-бизнеса. Иными словами, свою нынешнюю честность он просто купил, что в порядке вещей в мире, где продается буквально все. Более того, вырвавшись в иную жизнь, в среду «нормальных людей», он и на этом вольно или невольно заработал в самом прямом смысле, избавившись от некоторых налогообложений. И этот парадокс ему не показался уродливым и странным, ибо он — о какой бы чистоте и честности ни мечтал — плоть от плоти общества, в котором вырос и духовные нормы которого воспринял, как говорится, с колыбели. Вот почему ему претит политика, а иными словами, последовательная, до конца бескомпромиссная позиция по отношению к окружающему миру, который ему противен, но который... его мир. Вина в этом артиста? Беда? И то и другое. Но и вина и беда его типичны для многих известных рок-музыкантов, и, только помня это, можно понять и причуды их поведения, и зигзаги творчества.

— Большинство артистов старшего поколения настороженно встретили «новую волну»[1] *в рок-музыке, что в общем вполне естественно. Другие патронировали их — с некоторым презрением, правда. Вы же встретили их с настоящим энтузиазмом.*

— Да, мне и до сих пор вся эта чепуха ужасно нравится. По-моему, все то, что произошло в последние пару лет,— удача для музыки. Это здоровое явление. Впервые я увидел «Секс Пистолз» по телевизору. Я глядел на экран, и вдруг почувствовал себя таким старым... Черт побери, подумал я, что же это происходит? Нет, я не испугался, но я был встревожен. Почему? Потому что вдруг появился кто-то действительно новый. Люди, которые интервьюировали их в передаче, сказали, что это новое — то, что молодые создают сами для себя, а не новинки, которые им подсовывает музыкальная индустрия — ведь музыкальная индустрия создает своих собственных героев-монстров, диктует людям вкусы. А эти ребята... В их диком протесте есть все же что-то очень здоровое — как бы болезненно порой они ни выглядели.

— Вы сейчас сказали, что музыкальная индустрия создает монстров. А не чувствовали ли вы, что сами превращаетесь в такого монстра? Я слышал, что в какой-то период прибыли от продажи ваших пластинок составляли два процента всех прибылей фирм грамзаписи.

— Я думаю, эта цифра преувеличена. Но в принципе подобные разговоры верны. Когда я отошел от концертной деятельности, самыми «продаваемыми» стали другие. Но обратите внимание на слово «продажа»... Мне ведь по-прежнему нравится делать пластинки, но в общем — я разочарован. В течение пяти лет чем только я не занимался, и больше я не могу... я не могу продавать еще больше пластинок... выступать перед еще большими аудиториями. Я всегда говорил, что приходит

[1] *О «новой волне» — панках мы писали в № 2 и № 5, 1978 г.— Примеч. ред.*

время, когда надо остановиться. Нет во мне больше никаких карьеристских желаний, и меня больше не гложет внутренняя неудовлетворенность — я имею в виду неудовлетворенность не творческую, но меня больше не интересуют внешние признаки успеха. Я решил отстраниться.

— Странное заявление для такого энтузиаста рок-музыки...

— Да я и сейчас люблю музыку, но я понял, что рок превратился в чистую индустрию. И я все это возненавидел, тем более что я был одним из тех, с кого это превращение в индустрию началось. Я первым заработал миллион долларов, обо мне первом давала большой материал «Нью-Йорк таймс» и все такое прочее.

Одно время мне все это очень льстило... А кому не льстило бы? Но потом я понял — все это к музыке не имеет никакого отношения. Фирмы грамзаписи тратят огромные деньги на «платиновые диски» — льстя таким образом артисту, а в основном — поддерживая свое собственное реноме. Все это чистая реклама. Лучше бы они тратили эти деньги на начинающих, вы ведь знаете, как много хороших артистов так и не пробивается. Когда мне сделали косметическую операцию — украсили волосами мою лысую голову, фотографии обошли все первые обложки. А в это время Дилан сделал новую программу — действительно интересную, так ему по полстраничке в тех же самых журналах отвели. Или бурные дебаты в прессе о том, что я вложил деньги в Уотфордский футбольный клуб — имеют ли подобные разговоры хоть какое-то отношение к музыке?

— А когда вы поняли, что больше не заинтересованы в своей карьере?

— Когда я вырвался из этого замкнутого музыкального мирка. Таким прорывом стал для меня футбол... Могло бы быть что-то другое, но главное — я вдруг понял, что мне нравится ходить в клуб, что меня там окружают нормальные люди, которые ведут нормальную жизнь. Я понял, что всегда скучал по этой жизни, ведь я сам вышел из такой же провинциальной среды. А я-то во что превратился! Впрочем, я ведь сам этого хотел...

— Итак, вы возненавидели то, во что превратился Элтон Джон?

— Да нет же! Я ни о чем не жалею... Просто вся моя жизнь была сосредоточена вокруг моей профессиональной карьеры, а тут я понял — сейчас скажу банальность,— что есть и другая жизнь. (Смеется.)

— Старая печальная история рок-музыканта. Некоторые из этой своей разочарованности сделали вполне симпатичные пластинки, в которых они активно жалеют себя...

— Так-то так, да только когда вы замечаете сигналы опасности — надо остановиться. А то можно превратиться в Элвиса Пресли... Рок-н-ролл требует искренности, половинчатость невозможна — публика в конце концов поймет, что вы врете. Участники почти всех ансамблей ненавидят друг друга и эту свою ненависть, агрессивность выговаривают в музыке. А я не могу так жить. Но, наверное, мне везло — в моей группе никто никогда друг к другу так не относился.

Тем не менее мы же знаем столько ансамблей, музыканты которых ездят на концерты в разных автомобилях, гримируются в разных комнатах и живут в разных отелях. Это же лицемерие — говорить публике об общей любви, общем враге и общих действиях и при этом так ненавидеть друг друга.

— Но не кажется вам, что эта ненависть — лишь дань, которую платят рок-музыканты за успех, за всю ту нервотрепку, что его сопровождает?

— Я часто впадал в депрессию, но у меня счастливый характер — я недолго в ней пребываю. Я чувствовал, что деградирую как личность, у меня не остается времени на то, чтобы думать, но свои настроения я никогда не вымещал на посторонних. Потому что это нечестно.

— Многие люди воспринимают вас лишь как тот образ, что вы создали для сцены — эдакий удачливый парнишка, ухвативший за хвост случай, везунчик, который теперь наслаждается всеми радостями...

— Понимаете, все мои выступления — они как бы с двойным дном. Я вообще человек очень насмешливый. Я создавал этот образ — но я и отстранялся от него, показывал, что все это — только клоунада. Мне потому и нравятся панки — они ведь тоже клоуны, только они несколько патетичнее, чем был в свое время я. «Каждый делает то, что хочет, пока молод» — они под таким лозунгом живут... Другой вопрос — мне уже это не кажется продуктивной идеей и в творческом отношении тоже.

— Музыканты из «новой волны» кричали о своем презрении к «денежным мешкам» вроде вас. Но ведь не секрет — и им за их рычание теперь неплохие деньги платят.

— Начинали они честно, но, когда модельеры делают одежду а-ля панк — это, конечно, уже обыкновенные деньги. Но ведь когда группа записывает пластинку, она, естественно, хочет, чтобы эта пластинка стала популярной, чтобы ее покупали — иначе какой смысл? И ты начинаешь зарабатывать деньги, что вполне нормально. Тут важно продать, а не продаться — а это уже такая тонкая грань, что не переступить ее, по-моему, невозможно. Вы поймите меня правильно: я не собираюсь уходить из музыки, это моя профессия. Я чувствую, что я еще многое могу сделать как музыкант. Просто пришло время переоценки — музыка по-прежнему для меня важна, а вот продажа ее — и себя соответственно — меня уже не интересует. Успех — перекресток, и в этот момент надо быть абсолютно честным. И моя переоценка — в ней тоже нет ничего странного. Художник за свою жизнь подходит к трем-четырем таким перекресткам — тут важно не ошибиться и не решить, что за ним дороги уже нет.

— Чем же все-таки объяснить ваше увлечение футболом?

— Да я уже говорил — я понял, что есть иная жизнь. И потом, мне хотелось что-то сделать для моих земляков из Уотфорда. Третья причина: приняв решение вложить деньги в клуб, я избавился от желания сбежать из Англии, как сбегают от налогов другие артисты. А я понимал, что, если я совсем уеду отсюда, конец мне как артисту. Так что Уотфорд — это еще и удобное в финансовом отношении предприятие.

Но знаете... Я ведь никогда не голосовал даже, всегда сторонился политики. А тут, связавшись с Уотфордом, я вдруг оказался в политику замешанным.

Отнюдь не каждый подросток может играть на гитаре, но практически каждый хочет и может заниматься спортом, а наши футбольные и вообще спортивные клубы находятся на эдаком викторианском уровне — пробиться в них могут только выходцы из довольно имущих слоев: во-первых, клубов этих мало, во-вторых, или как следствие, занятия в них недешевы. Вот я и решил построить для моих земляков в Уотфорде новый стадион, который можно было бы использовать и как концертный зал. Мне даже уже есть чем гордиться: с моей помощью (хотя какая помощь, деньги просто — на тренеров, на снаряды) уотфордская команда перешла в этом году из третьей лиги во вторую! Думаете, хвастаю... Хвастаю, конечно, только мне кажется, что для такого вот обыкновенного подростка из Уотфорда, каким был я, спорт не менее важен, чем музыка, может, даже важнее...

Да, так вот и я оказался политически вовлеченным — мои земляки часто просят меня теперь представлять их на разных уровнях, и теперь я понял, что уже не могу быть столь свободным в выборе тем для песен. Потому что я все время помню: а что об этом в Уотфорде подумают?

— А не хотели бы вы участвовать в каких-либо политических движениях типа «Рок против расизма»?

— Нет. Но поймите меня правильно: я разделяю их убеждения — я тоже против расизма, но я уверен: подобные действия требуют абсолютной, беспредельной искренности, а поскольку я все же — настаиваю на этом — не политик, я могу своим участием скомпрометировать движение, люди могут подумать, что оно просто шоу. Да и потом, ребята, которые затеяли это движение, они не очень-то симпатизируют мне, я все-таки для них представитель тех, кого они ненавидят,— большого музыкального бизнеса.

И еще, музыка может сделать многое. Но если вы хотите победить расистов, вы должны делать это на более, что ли, политическом уровне. Бессмысленно прыгать по сцене и кричать: мы ненавидим то, мы ненавидим это. Для победы требуются куда более серьезные шаги. Проблема в том, что у нас слишком много социалистов на каминном уровне — сидим себе в кресле, поговариваем. В конце концов, мои футбольные дела — это хоть что-то реальное... Но, может, я и ошибаюсь, я не политик.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

Предвкушение радости, которое дает нам еще не открытая книга...

Сто шестьдесят семь новых книг обещает подарить в 1979 году советскому читателю издательство «Прогресс» — крупнейшее в нашей стране издательство зарубежной литературы. Подарить радость и горечь слияния с иной судьбой, самую бескорыстную радость — знания, узнавания вкуса, аромата иных культур, ощущения себя частицей могучего потока мировой культуры, потому что, узнавая, постигая эту культуру, ты становишься и ее создателем...

Мы хотели бы здесь назвать некоторые, наиболее, на наш взгляд, интересные для молодого читателя, книги «Прогресса» (причем мы называем произведения, рекомендованные «Прогрессом» широкому кругу читателей, а существуют книги и для специалистов — узнать о них вы можете в аннотированном тематическом плане издательства).

Итак, книги: чилийский коммунист В. Тейтельбойм говорит о борьбе патриотов против режима Пиночета в книге «Борьба продолжается»; генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм в книге «Единственная в мире должность» рассказывает о своей работе; наша страна — глазами иностранца в книге У. Помроя «Советская действительность: семидесятые годы»; Лоранс Перну «Я воспитываю ребенка» (выдержала во Франции пять изданий) — о воспитании детей от рождения до поступления в школу; «Убийство в замке» публициста из ГДР Петера Аддамса — для любителей детективов (о методах создания детективов в условиях буржуазной массовой культуры).

Романтическая фигура флибустьера, столь знакомая читателю по десяткам приключенческих романов, предстает совсем в ином свете в произведении немецкого писателя Г. Нойкирхена «Пираты»; в переводе с немецкого выходит и книга публициста К. Керама «Первый американец» — о культуре народов, населявших некогда Северную Америку; о современных наемниках рассказывает работа У. Бэрчетта и Д. Робека «Солдаты на продажу» (отрывки из этой книги «Ровесник» публиковал в № 1 за 1979 год).

Для тех, кто любит спорт, «Прогресс» издает книгу известного канадского хоккеиста Бобби Орра «Моя игра».

Перечислить всю переводную художественную литературу, запланированную «Прогрессом», просто невозможно. Выйдет сборник избранных стихов Хо Ши Мина; книги болгарских писателей Г. Караславова и Й. Радичкова, сборник современного болгарского детектива — в него войдут произведения Б. Райнова и А. Гуляшки; «Избранная лирика» известного венгерского поэта Д. Ийеша; роман кубинского писателя М. Кофиньо «Последняя женщина и близкий бой»; сборники современной румынской и польской повести и др.

Планом предусмотрен выпуск произведений крупнейших прогрессивных писателей Европы, США и Австралии. Среди них — один из ведущих литераторов Италии Л. Шаша, американские писатели И. Стоун («Греческое сокровище» — о раскопках древней Трои), Дж. Гарднер, «Никелевая гора»; в серии «Мастера современной прозы» выйдет сборник одного из интереснейших писателей современности — норвежца Юхана Боргена.

И если хотя бы одна из этих книг станет вашей книгой — той, которую человек перечитывает,— мы будем рады.

Индекс 70781
Цена 25 коп.